

ТЕСТ НА ОТЦОВСТВО

ЯНКА
РАМ

Янка Рам

Тест на отцовство

<https://litres.ru/74214128>

Аннотация

- Я знаю, что Стёпа мой сын. И мне даже тест не нужен генетический. Сомнений нет. Просто посмотри мне в глаза, детка. Как ты могла, а?... - Ты же не ляпнул ему ничего такого, правда? Сверлю ее взглядом, пытаюсь отыскать причину, почему она не сказала мне тогда. - Чадов, большое тебе спасибо, что нашел его. Но можно, я просто ребенка заберу? - Нет.

У них в прошлом короткий яркий роман. В настоящем - неуправляемый общий бандюга шести лет от роду. В будущем... война за любовь!

Содержание

Пролог + Глава 1 + Глава 2	4
Глава 3 - Как дура... (Юля)	18
Глава 4 - Подстава	25
Глава 5 - Откуда взялся Стёпа	32
Глава 6 - Маньяки (Флешбэк от Ю.Ю.)	40
Глава 7 - Бесноватый(Флешбэк от Горыныча)	48
Глава 8 - Тайны от папы	56
Глава 9 - И снова тайны...	62
Глава 10 - “Соглашайся” (Флешбек от Ю.ю)	68
Глава 11 - Важные слова	76
Глава 12 - Чемодан без ручки	84
Глава 13 - Не джентльмен	88
Глава 14 - “Ручник”	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Пролог + Глава 1 + Глава 2

POV Горыныч

Саундтрек: "Вахтерам" - БумБокс

- Дверь придержите, пожалуйста!

Вздрагиваю от этого до боли знакомого голоса.

Разворачиваясь лицом к закрывающимся створкам, ловлю дверцу.

Быстро стуча каблучками, она замирает за мгновение до того как зайти, притормозив прямо в дверях.

Узнав, хватает ртом на вдохе воздух, дёргается назад.

- Заходите, Юлия Юрьевна, - смотрю ей в глаза.

Взгляд ее светлых голубых глаз, от которых я когда-то млел как мальчишка, расфокусировавшись, застывает.

Медленно, словно в клетку с тигром делает шаг в лифт.

Мы так близко... Что крыша моя подъезжает, стирая шесть с лишним лет. И как будто я имею к этой элегантной женщине какое-то отношение. Как будто она до сих пор моя.

Шпилька, норковая шубка до середины бедра, шелк светлых волос по плечам, спокойный макияж, очень дорогой парфюм...

Раньше она была чуть проще и мягче, сейчас - прекрасный утонченный айсберг.

Но я то знаю, что она совсем не такая внутри... В смысле - не айсберг.

Но ты уверен, Чадов, что это все ещё та же женщина, которую ты знал? Шесть лет прошло...

Моё нутро уверено. Там словно торнадо разметало все органы и они стучат и качают в неположенных местах.

Так случается каждый раз, даже когда я вижу ее издали. Сейчас в десять раз мощнее. И мне глючится, что если сейчас её зажать здесь, и пошептать сладкие пошлости в чувствительные ушки, она снова позволит мне всё...

Двери закрыты, а мы растерявшись, не жмём на кнопки.
- Какой этаж? - низко и неровно уточняю я, едва сдерживая эмоции.

- Всё тот же, - тихо выдыхает она.

Это не первая наша встреча. Но первая - наедине. Мы работаем в одном медицинском центре. Но избегаем друг друга.

Лифт едет вверх.

Горло перехватывает от ее близости. Это болезненное чувство.

Я тебя не простил и не понял, Юлия...

Хотя ты и не пыталась объяснять или извиняться.

У Юли теперь есть сын... Она вернулась к мужу. Я оказался лишним элементом в этой конструкции.

"И жили счастливо и долго

Он долго, счастливо она"...

В судьбе каждого мужика случается своя роковая женщина... Ю.ю. - моя. Она сидит глубоко внутри. На троне. Но в глухой темной камере.

Мы друг друга пытаем...

На ее щеке колотится венка. Расцветающий румянец на щеках делает ее подчёркнутые острые скулы мягче.

Ты тоже помнишь, что мы творили, да?..

Помнит! Остекленевший взгляд застыл где-то в районе моей челюсти. Ноздри подрагивают.

И сердце мое расхераченное снова заходится пулеметной очередью...

У нас тормознутый лифт. И я успеваю за эти несколько секунд и порадоваться этому, и психануть на это.

Третий... На четвертом она выйдет. Пара секунд и...

Внезапно все вокруг сдыхает со специфическим стоном и мы погружаемся во тьму.

Тишина...

 Главные герои:

 Главный бандит

(Флешбек от Ю.Ю. - 6,5 лет назад) Знакомство

Роберт, мой муж, - заведующий гинекологическим отделением. Поэтому - и обследование и результаты, все очень быстро и качественно.

- Юленька, - вздохнув, Роберт достает мои бумаги.

Поправляет очки в золотой оправе. Его длинные тонкие

пальцы, как будто стали ещё длиннее и тоньше.

- Для начала, я хочу сказать, что независимо от результатов, я всегда буду рядом. Для меня ты ценность безусловная.

- Спасибо, Роб. Все плохо?..

Мы живём вместе восемь лет. Давно не предохраняемся. И не можем зачать.

- Ты нефертильна, Юленька. Увы.

Мои губы недоверчиво вздрагивают в нервной улыбке.

- Как?.. Совсем?! Ну то есть, я готова пройти лечение, если это нужно.

- Да-да... Конечно. Мы попробуем восстановить... Но маловероятно. Ты должна это понимать. Не хочу, чтобы ты переживала из-за этого. Я тебя очень люблю.

- Мхм... - кусаю губы. - А какой у меня диагноз, Роберт? Почему я нефертильна? Я же молодая, здоровая, цикл регулярный...

- Юленька, давай, я сам буду все это контролировать, чтобы ты не волновалась. Ты же знаешь, я сделаю для тебя всё, что возможно. А стресс будет только усугублять эту проблему. Ты начнёшь читать об этом, накручивать себя, твой кортизол подскочит и мы получим ещё один фактор, угнетающий фертильность. Выдохни... Не думай об этом. Съездим в отпуск... А потом, если решишься, мы сделаем ЭКО. У меня хорошие связи. С тобой будут работать лучшие врачи. Хорошо?

Киваю.

В отпуск? Это двадцать четыре на семь рядом с Робертом. Много его прикосновений, поцелуев... Я-не-мо-гу.

Опустив взгляд, в растерянности рассматриваю свои пальцы, кручу колечко с бриллиантом.

Роберт очень меня любит. А я... нет. И ребенок - это была моя надежда на то, что наша семья вспыхнет хоть какими-то эмоциями с моей стороны. Я всегда очень хотела детей... Троих. У меня даже имена придуманы - Степан, Василиса и Ванечка. Ни к одному из них не идёт отчество Робертович...

Мне хочется повыть от тоски.

- Юленька, может чаю?

Я вышла за него совсем девчонкой. Он был намного старше, и сразу же после знакомства окружил меня заботой, которой так не хватало мне - девочке из неблагополучной семьи.

Я сдалась этому, посчитав, что любовь может прийти со временем. Из чувства благодарности и уважения. Не пришла...

И с каждым годом мне все тяжелее жить в нашей большой элитке в центре. Высокие потолки и огромные комнаты навевают тоску. Там пусто. Я даже зверюшку не могу завести, у Роберта аллергия.

- Я пойду, ладно? - испытывая приступ удушья, встаю, держась за стену.

Ощущение пустоты внутри нарастает.

Примерно, пару раз в год я собираюсь духом попросить Роберта о разводе. Но он словно чувствует такие моменты, превращаясь в безупречного очень внимательного мужа. И мне не хватает решительности его так обидеть, после всего, что он сделал для меня.

Но от тоски все чаще не хочется просыпаться...

Заторможенно иду с лестницы клиники вниз. Может самой себе какие-нибудь мощные антидепрессанты прописать? Чего мне терять, если я не забеременею?..

По стоянке двигаюсь мимо машин. Вздрагиваю от мужского дружного хохота. Раскатистого и веселого.

Жадно впитываю эту нечаянную эмоцию и энергию, оборачиваясь на звук.

Руслан Хасанов - талант и гордость нашей больницы, перwokлассный нейрохирург. А с ним рядом - небритый брутал в берцах и распахнутой куртке. С тату на кистях и открытой шее.

Залипаю на них взглядом - они такие статные, яркие, мощные!...

Что кажется - пространство вокруг них превращается в магнитную воронку.

- "Не то чтобы ты совсем не попал Пятачок, но ты не попал в шарик!" - шутит брутал.

Опять смеются.

- О! - поднимает взгляд Руслан. - Горыныч, а давай Юлию Юрьевну похитим! Нам все равно третий нужен...

Смущённо улыбаюсь, настороженно делая шаг назад. Роберт очень ревнив и надух не переносит Хасанова. Хотя мы только приятели.

- Юлию Юрьевну?... - отыскивает меня взглядом брутал. Мы встречаемся глазами. Пауза...

На его лице как цветок расцветает молчаливое восхищение.

А что на моем лице от его такого пристального внимания, мне даже страшно представить.

Мы одновременно смущённо опускаем взгляды и встряхнувшись, тут же поднимаем и снова встречаемся ими.

И снова пауза...

Господи, это так неловко. Но я не могу выйти из ступора! Только боковым зрением вижу, как Рус переводит взгляд с меня на брутала и обратно.

Выдавливаю из себя улыбку, пытаюсь снять напряжение и неловкость и перевожу с усилием взгляд на Хасанова.

Его глаза улыбаются, словно подкалывая меня за эти "гляделки" с незнакомцем.

- Хорошего дня! - выпаливаю я и быстренько сбегаю от них.

Внутри все трепещет и колотится. От эйфории кружится голова!

Кто это был?..

POV Горыныч

Саундтрек: Это здорово - M.ARS

Темнота в лифте сгущается, стены сближаются. Нет, вовсе не потому что у меня приступ клаустрофобии. Причина в другом...

Она включает телефон, светит на панель. Жмёт на вызов лифтера.

- Ждите, сейчас запустим, - отвечает ей скрипящий голос через динамик.

Внутренний зверь во мне взбудоражен и капает слюной от желания присвоить ее обратно.

Именно из-за неуправляемости этой скотины, которая уверена в своем животном праве владеть этой самочкой, я и держусь как можно дальше от Крынской.

Каждый раз корежит называть ее по фамилии скользкого задрота Роберта. Но и по имени не всегда хватает душевных сил.

Неровно выдыхаю воздух. Тело сходит с ума. Меня непреодолимо магнитит.

В этой темноте не существует этих шести лет, которые сделали нас посторонними друг другу людьми.

Переступив с ноги на ногу, цепляется каблуком за мой берц.

Тихо вскрикнув, нарушает застывший до вязкости воздух.

Рефлекторно вытягиваю руку, желая придержать ее.

Рука натывается на мех. Мои пальцы сжимаются. И... Хрен его знает, как это выходит, она оказывается в моих руках.

Магнетизм - он такой. Искажает пространство.

Меня оглушает от этой близости, словно я словил передоз от какого-нибудь убойного пойла. И никогда, и ни с кем, ни до, ни после я не пьянел от близости и не захлебывался такой пронизывающей эйфорией

Глухо вскрикнув, замирает. Слышу, как сумочка из ее рук падает на пол.

Мышцы невыносимо крутит, заставляя стиснуть ее и утрамбовать в себя ошутимее.

- Чадов!... - быстро и громко дышит она.

Торможу попытку сознания уйти в самокопания, что вообще-то Юю - меня кинула... врал я мне... А ещё - и так избегает встреч, словно я прокаженный...

Да, похуй!... Ее проблемы.

Я просто вдруг за долю секунды осознаю, что больше эту эмоцию не словлю ни от кого и никогда. Никогда... А у меня без этой эмоции жизни нет.

Вся тоска по ней, протест и обида неожиданно прорываются. И отпустить ее сейчас, это как тормознуть и не кончить за мгновение "до". Только в сотню раз мучительнее!

Я сжимаю ее волосы на затылке, портя идеальную укладку, и тяну, заставляя поднять лицо.

Вжимаюсь губами в ее приоткрытый рот.

Так тебе! Тоже чувствуй это!!

- Ну что? Как живётся Вам, Юлия Юрьевна?... - рычу хрипло. - Ни о чем не сожалеете?

Кусаю, впиваясь глубже. Толкаю ее язык, задыхаясь от ощущений.

Она чуть оседает в моих руках.

Бля-я-я...

Мне хочется повить и побиться об стены от того, как это мне нужно!

Загудев, загорается лампа.

Отстранившись, Юлия шокированно смотрит мне в глаза.

Кислород смешанный с запахом ее парфюма обжигает ноздри.

Ее лицо рассерженно вздрагивает. Размахнувшись, припечатывает по щеке. Голова моя дёргается, щека немеет. Это немного возвращает адекват и чувство реальности. Закрываю на мгновение глаза, пряча чувство уязвимости и раненное свое нутро. И когда распахиваю, я уже в броне.

Помада у нее размазана, волосы растрепанны, одежда сбилась...

Мать твою, какая же ты красивая!!

Лифт вздрагивает, за секунду поднимаясь до ее этажа. Двери открываются.

- Хорошего дня, - давлю ее нахальным взглядом.

Сбегаю.

Луплю яростно по кнопке своего этажа.

Пытаюсь проглотить ком в горле и дышать ровно. Под ногами ее сумочка. Поднимаю...

Мягкая и тонкая, молочного цвета кожа, мнется в моей руке.

Выхожу из лифта у себя в отделении. Сумку надо вернуть и проще всего вернуть ее через Ир Васильевну, оставив на сестринском ресепшене.

Но я прохожу мимо, с зажатой в руке сумкой.

Чадов, ты в сумочке у нее решил покопаться? Или хочешь вернуть лично?

Не знаю...

Падаю на диванчик в ординаторской.

Сумочка закрыта на замочек с шариками, по типу старинного ридикюля. Давлю на него пальцами. Открывается.

Сверху документ в файлике сложенный вдвое. Копия свидетельства о рождении.

Крынский Степан Робертович.

Морщусь. Коряво как-то звучит...

Жадно ищу взглядом дату рождения. Улетая в прошлое, считаю на пальцах месяцы. Действительно - Крынский... Не Чадов. Увы. А как красиво бы звучало: Чадов Степан Борисович!

Юль... Ну и похер бы, что Крынский... Чего я, твоего пацана не воспитал бы?? Ну нахуя ты так?!

Кладу документ обратно.

На автомате поглаживаю пальцами сумочку, словно это Юлина кисть.

Кусаю ноющие губы.

Все, надо завязывать. Ее решение - жить с отцом своего ребенка - адекватно.

Но в свете наших чувств - противоестественно!

Спору с самим собой.

Это у тебя чувства, Чадов. А у нее для тебя только пощёчины остались. Шесть лет прошло...

Руки чешутся исследовать ее сумочку дальше. Но не позволяю себе этого. Только собираюсь закрыть, взгляд цепляется за угол белой коробочки. Достāju. Сигареты... Женские, тонкие, лёгкие.

Ты охренела, что ли?! С каких пор? Куда твой Роберт смотрит??

С возмущением, швыряю их в мусорное ведро.

Достāju свои.

КуриТЬ хочется...

Сдохнуть хочется...

Юльку хочется...

Мрак.

достаю сигарету. Это единственное, что я могу удовлетворить из своего "хочется".

А сумку надо вернуть. И не собираюсь я её ни через кого передавать. Не детсад, поди...

Надеваю халат, переобуваюсь в белые кеды и, переложив

сигарету за ухо, спускаюсь по лестнице на этаж ниже.

После того, как Юля вышла из длительного декрета, я все время подсознательно ищу встреч на территории клиники. Но их практически не бывает.

Вот эта вторая лестница от пожарного выхода. Между пятым и четвертым... Шесть лет назад мы целовались здесь...

На четвертом этаже два отделения. От лестницы в разные стороны: "Соматопсихиатрия" и "Отделение оперативной гинекологии".

Толкаю двери ООГ, подхожу к сестринскому пункту.

- Добрый вечер, девочки.

Девочки расцветают в улыбках, поправляя халатики. Хорошенькие, молоденькие, незамужние - бери любую. Но мне бы...

- Мне бы Юлию Юрьевну.

- Юлию Юрьевну? - раздается за спиной голос.

Знакомый. Это Роберт.

Разворачиваюсь. Руки не тяну.

Он смотрит на ее сумку в моей руке. Мда... Неоднозначно вышло.

Мы давим друг друга ревнивыми взглядами. Крынский никогда и пальцем жену не трогал. Он не из таких... Рафинированный интеллигент. Поэтому, подставить Юлю под каток в этой ситуации я не боюсь.

Но отдавать сумку ему - все равно как-то гадливо. Ставлю на ресепшен.

- Девочки передайте, в лифте нашел, - подмигиваю девчонкам.

Улыбаются, кивают.

Между этажами иду на пожарную лестницу, которая расположена параллельно внутренней, вдоль стены здания по улице. Вставляю сигарету в зубы, прикуривая на ходу. Затачиваюсь...

Юля!!

Практически натыкаюсь на нее на крошечном балкончике.

Мы застываем.

Глаза блестят, тушь размазана... Толкнув меня плечом в проходе, быстро ретируется с пожарной лестницы внутрь.

- Ой, пиздец... Как, сука, жить-то со всем этим? “Всюду принципы невмешательства. Вместо золота - плавят олово, - затачиваюсь поглубже. -. Но, есть приятное обстоятельство: Я люблю тебя - это здорово...”. Мда...

От автора: Кто ждал книгу про Горыныча и Ю.Ю добавляем в библиотеку и ждем оповещения о продолжении:)

Глава 3 - Как дура... (Юля)

Сжав в руках сумку, я сижу на приеме у детского психолога вместе с мужем. Нас срочно вызвали.

И едва ли слышу о чем речь. Потому что сумка мне кажется горячей как руки Чадова. И я уже который день с трудом выпускаю ее из своих рук.

Я вся осталась там, в том мгновении...

Зачем он так со мной?

Сожалею ли я о своем выборе? Как можно сожалеть о том, чего не было.

Да. "Все ограничения только в нашей голове". Легко говорить об этом другим людям, пока не завязнешь в реальных обстоятельствах так, что не шевельнуться! Как в зыбучих песках. А его - такого сильного и решительного - нет рядом, когда он так нужен. Тогда ты готов подать руку кому угодно, только чтобы не утонуть в этой вязкой ужасающей пучине.

И рядом был Роб...

И после того, как он поддержал меня и вытащил повторно - это просто черная неблагодарность опять смотреть в сторону Чадова.

Наверное, нельзя получить сразу все. Я получила сына. И очень счастлива.

Но это не значит, что мне не больно.

- Наш детский сад не может взять на себя такую ответственность. Нам очень жаль. Но ребенку нужна серьезная помощь специалистов.

- И нам очень жаль, - поднимается Роберт. - Извините за ситуацию.

Стёпа - бегун. Из тех детей, что испытывают патологическую тягу к убеганию - из дома, сада, просто от взрослого.

Единственное лечение, что мне предложили - психотропы.

Психотропы шестилетке!

Я только порыдать могу от такого предложения.

Роберт, увы, не видит в этом лечении ничего критичного.

Иногда мне кажется, что сын подсознательно все время воплощает мою мечту - сбежать!

В соседнем кабинете забираю Степу.

Присаживаюсь перед ним, помогая одеться.

- Степ... Ну зачем ты убежал, а? Я же тебя очень просила так не делать.

- То неведомо... - разводит он руками.

Взял же откуда-то словечко. Мне кажется, он даже разговаривает также как его настоящий отец. А они ведь даже не знакомы.

- Ну скажи мне, разве тебе не нравится в этом саду?

Он ходит в частный, очень хороший садик. Это не первый и не второй наш садик...

- Нормально...

- Ну зачем тогда?

- Погулять.

- Нельзя детям гулять одним. Это опасно!

- Почему?..

Этот разговор у нас был много раз.

- Тебя может кто-то украсть и обидеть! Я же говорила.

- А я ему как дам! У меня вот... - вытаскивает из кармана огромный гнутый и ржавый гвоздь.

Острый!!

- Боже!

Хватая его за запястье, забираю гвоздь.

- Ты не поцарапался им? - осматриваю ладонь.

Может быть, я слишком щепетильная мама-параноик. Но у меня только один ребенок и тот благодаря чуду. Других не будет. И профилактическая прививка от столбняка нам заказана. У Стёпы аллергия на прививочные консерванты.

Выкидываю чертов гвоздь, протираю его руки антисептической салфеткой.

Держа его за руку, веду к нашей машине.

Роберт выходит, чтобы открыть нам дверь. Сажусь с ребенком на заднее сиденье.

- Мам... - жмется он ко мне от звенящей тишины в салоне.

Роберт ругает меня за то, что я постоянно пытаюсь смягчить любое наказание для Стёпы. Но я не могу... И вздохнув, опускаю взгляд. Прижимаю сына к себе.

- Он больше так не будет, правда, Стёп?

- Мы оба знаем, что будет. У меня есть решение. Вот...

Он протягивает мне буклет: "Чипирование собак".

- Обезболят и пистолетом вживят под кожу чип.

- Я не хочу пистолетом... - шепчет испуганно Стёпа.

- Ну это же для собак, Роб.

- Они стреляют в собак?! - разглядывает Стёпа, выпавший из моей руки буклет.

- Нет-нет-нет! - отбираю я.

- Врёте! - сердится Стёпа.

- Уж лучше пройти процедуру для собак, чем его выловят в следующий раз в реке, - давит мне на больное Роберт. - А сколько мы его искали зимой? А если бы он обморозил руки, ноги? Степан, ты слышишь меня? Я тебе говорил, что...

- Хватит! Мы не будем его чипировать. Мы купим ему подвеску с чипом. И повесим рядом с крестиком.

- Хорошо... - вздыхает Роберт. - Сейчас-то что будем делать? У меня важная встреча.

- Я его с собой возьму.

- А завтра?

- И завтра возьму, - прижимаю Степу сильнее.

- И послезавтра возьмешь? Юленька... - терпеливо. - Я предлагаю тебе уйти в отпуск без содержания.

- Нет! - выпаливаю я.

Работа - это хотя бы иллюзия независимости. Если я все таки когда-нибудь сбегу... У меня должна быть работа! А какой я врач без практики? И так пять лет в декрете!

- Ради сына.

- Нет... Я найду способ совместить.

- Неужели работа важнее Степана? Я же тебя полностью содержу.

- Я же сказала, найду способ! - нервно и затравленно огрызаюсь я.

У нас в семье таким тоном не разговаривают.

И Роберт, бросая взгляд на меня через зеркало заднего вида, вопросительно, с акцентом дёргает бровью.

- Какой пример ты подаёшь сыну?

Это он из-за Чадова, уверена. Из-за моей сумочки. Я ни слова ни сказала о том, что случилось в лифте.

- Извини, пожалуйста... Я просто расстроена.

Дальше мы едем молча до самой больницы.

Тормозим на стоянке.

- Хм... Хасанов опять машину сменил, - недовольно комментирует Роберт. - Хорошо у нас зарабатывают нейрохирурги.

- Девочки говорят, ему эту машину пациент подарил.

- Или - он ее попросил за помощь.

- Да нет... Не похоже на Руслана. Если кто-то "просит", то об этом вся больница знает... - прикусываю язык.

Слышала несколько нелестных сплетен о Роберте. Но я в это не лезу. Мы не обсуждаем его доходы и деньги.

Смотрю, не мигая, на эту машину. Хасанов друг Чадова... И ниточки в моей душе тянутся, отыскивая дорогу туда, куда

она стремится.

Господи, я взрослая самодостаточная женщина, почему я опять трепещу и болею как малолетняя дура от его поцелуя?! Ну за что?... Я почти что научилась жить так, как я живу. И почти приняла это.

- Тебе понравилась машина? - с прохладным любопытством. - Мы купим лучше.

Отмахиваюсь, отводя взгляд.

- Это всего лишь машина. У нас хорошая машина.

- А будет самая хорошая.

Роберт немного повернут на престиже.

Открываю дверь.

- Ты ничего не забыла?... - мягко.

Нет, я не забыла! Я просто... не хочу!

Я очень благодарна Робу за отношение ко мне и Степе. Но по физике и химии у меня всегда с ним была троечка. А после Чадова вообще неудовлетворительно.

- Ах, да... - наклоняюсь вперёд, чтобы поцеловать его в гладко выбритую щеку.

- Не целуй! - виснет у меня на шее Стёпа. - Меня целуй!

Ревниво фырча, подставляет мне свое лицо.

Чмокаю его в нос. Мой спаситель. Почти каждую ночь он прибегает к нам в кровать спать.

Роберт злится...

- Я побегу.

У меня, наверное, самая комфортная должность во всей

больнице. Роберт выбил мне личный маленький кабинетик, недалеко от себя.

Я консультирую и сопровождаю пациентов, кому нужны поправки на лечение в связи с аллергией. Меня не часто вызывают. Врачи, как правило, в элементарных случаях сами способны сделать такого рода поправки. В некоторые отделения, где врачи очень опытные универсалы не вызывают и вовсе. Например, к Хасанову в нейрохирургию. У него очень опытный анестезиолог. Чадов. Такой опытный что на утро от стыда сгореть можно. Боги, ну о чем я опять?!

Стёпа скучает. Он непоседа. Извертелся...

Рабочее время заканчивается.

- Кушать... - просит он.

- Потерпи.

Смотрю в окно. У своей машины - Чадов. Что-то достает из багажника. Выскочил в одном халате. Ткань натягивается на его массивных бицепсах...

Выпав из реальности, провожаю его взглядом.

Когда оборачиваюсь, Стёпы нет!

Глава 4 - Подстава

Стоя у лифта с коробкой расходников, вижу, как маленький пацанчик крутится у автомата с шоколадками.

Раскрывает ладонь, там три монетки. Задирает голову вверх.

Оглядываюсь в поисках его родителей. Но вокруг спешат куда-то только белые халаты. На нем нет верхней одежды. Но в сапогах... Значит, родители где-то в больнице.

Негромко свиснув, окликаю его.

- Малой!

- Чо? - засовывает руки в карманы.

- Мамка где?

- Там... - неопределенно.

- Потерялся?

Отрицательно крутит головой.

- Ты, давай-ка, к родителям дуй.

Кивнув, шагает в сторону лестницы.

Оставив коробку у себя в наркозной, разбираю содержимое.

Срочки никакой нет. Я забираю сигареты со стола и иду на пожарную лестницу.

Прихватываю с вешалки свой клетчатый шарф. На улице не май месяц... Хотя, весна.

Листаю на телефоне интимные фотки одной из фей, с ко-

торой иногда проводим время вместе.

Отправила на вотсап. Смотрю и не вижу. Отмечаю каждую фотку лайком, чтобы не обижать девчонку. Она же не виновата, что мне опять в голову ебнуло и я снова никого нахрен не хочу...

И - на хрен - тоже. На хрен нахрен, короче.

"Одиноко одинокий одиночка... ", блять...

А фото Ю.ю. у меня тоже были. Только она их не отправляла. Я их сам делал. Она скромняшка, пока ее до потери пульса не затрахает. Зато неискушенная, сладенькая и безвольная в моих руках - можно делать все, что хочешь. И ей всё заходит!..

"Заходило", - поправляю я себя. В общем, были фотки, да. Но разбил телефон и... нет их больше. Ни Ю.ю., ни фоток. Открыв скрипящую дверь, делаю шаг на балкон.

На верхней ступеньке, натянув повыше воротник свитера, опять тот же пацанчик. В руках скомкано большое сероватое больничное полотенце.

- Опять ты!

- Я... - покаянно вздыхает пацан.

Щелкаю зажигалкой, прикуривая сигарету.

- Ну, давай, тогда знакомиться, - тяну ему руку, - Горыныч.

- Стёпа, - протягивает, высвобождая руку из полотенца.

Стёпа... - дёргается что-то болезненное внутри.

Его ручонка тонет в моей большой ладони.

- Давай-ка, Стёп, я тебя к одной хорошей тетеньке отведу?
Ир Васильевне отдам на сестринский пост. Там уж пусть ищут родительницу.

- Неа. Нельзя с дядьками никуда уходить, - шмыгает носом. - Мама так сказала.

- Мама права. Нельзя. Мама потеряла тебя, наверное?

- Я всегда убегаю.

- Зачем?

- То неведомо.

Хмыкнув, усмехаюсь.

- Я... Этот... Сейчас! - напряжённо вспоминает. - Патология. Вот. Эсдэвэгэ.

- Это что за зверь такой неведомый?

Пожимает плечами.

Снимаю с себя шарф, обвязываю ему шею, закутывая в несколько слоев.

Полотенце в его руках шевелится .

- А чего там у тебя, Степ? - киваю на полотенце.

- Птица, - отворачивает край полотенца. - Или даже утка.

Утка! Действительно.

- Ты где ее взял?!

Здесь пруд недалеко с утками, вспоминаю я. Занесло же ее, дурную, к нам.

- Крылом тут застряла...

В ногах у него моток старой толстой проволоки, одним концом исчезающий между перил.

- Щипнула меня! Во... - показывает красное пятно-ссадину на в основании большого пальца. - Я полотенце взял... Там... - машет неопределённо рукой. - Бросил сверху. И распутал. Взрослые котов так разнимают.

- Молодец. Надо отпустить. Давай? - забираю у него из рук птицу.

Открываю полотенце и получаю нехилых пиздюлей от селезня!

- Эй! - уворачиваясь от твердого и молниеносного клюва. - Вот придурочный! Да, мать твою...

Мощный!

Стёпа заливается хохотом.

Откидываю вредителя в сторону от нас. Растопырив крылья, орет чайкой. Вернее - гусем. Короче орет. И крыло одно неестественно вывернуто.

- Повредил крыло, улететь не может, - комментирую я. - Короче, надо его к травматологу. Врач такой.

- Человеческий? - озадаченно спрашивает Степан.

- Птичьих у нас нет.

Набираю Стефа из травматологии.

- Стеф, здорово. А ты можешь утке крыло вправить?

- В смысле - на спор? - растерянно.

- В смысле - чтобы улетела.

- Хм...

- На балконе тут у нас сидит.

- Ну, неси... свою утку. Не вправим, так съедим.

- Но-но!

- Да шучу я. Неси. Посмотрим.

Накидываю полотенце сверху и после непродолжительных боев, утка снова обезврежена.

Целеустремлённо чешем в детскую травматологию. Она в другом корпусе и нужно пройти через переход на первом этаже.

Вот там моего подельника вдруг опознают.

- Степан! - вскрикивает незнакомая медсестра. - А ну-ка иди сюда! Мама тебя ищет! Папа приехал... Сердится, - многозначительно.

Степан, прикидываясь ветошью, выглядывает из-за моего бедра.

- Иди-иди... - пытается поймать его девица.

Неожиданно он разворачивается и даёт дёру. Она - за ним.

А я как долбоеб стою с уткой посреди больницы. Ну что ж... Зачинщик, как положено сбежал. А мне доводить этот пиздец до конца.

Несу эту радость Стефу. Мы долго ржом над подставой от малого. Усыпив и поколдовав с птицей, находим добровольца из санитарок, кто готов забрать болезного селезня к себе во двор.

Растирая пострадавшие руки, иду обратно через кофейню вниз.

- Ну зачем ты сочиняешь, Степан? - дергаюсь от раздраженного голоса Крынского.

- Да! Утка там была! Я ее спасал.
- Ну какая утка?... - с досадой.
- Настоящая!

Крынский тащит за руку Стёпу к лифту. По инерции, с колотящимся сердцем иду за ними. Ещё не осознав, что это значит головой, но сердцем уже осознав. Оно в истерике пытается выпрыгнуть из грудной клетки.

- Я не вру! И там дяденька был.

Вырывает руку Стёпа.

- Какой дяденька? - останавливается Крынский.
- Ну такой... большой. С бородой.
- Он тебя трогал? Обижал?
- Нет! Добрый. Хороший. У него огонь в горле!

Это он про татуху мою - языки пламени на шее.

- Имя у него, как в сказке.
- В сказке?

- Чудо-юдо? - озадаченно вспоминает Степан.

- Так. Хватит. Ты маленький патологический лжец.

Реально звучит как бред. Но ведь ни слова мальчишка не соврал!

Пытается поймать детскую руку, но Стёпа уворачивается. Хватает за свитер на плече. Тащит дальше. Степан едва успевает за ним.

- Я не вру, пап. Он утку понес... тр-р-равма-та-то-логу. Такой врач. Человеческий. Стеф!

Крынский вздыхает, нажимая на кнопку вызова лифта.

- Наказан. А будешь бегать, я тебя этому Чуду-Юду отдам, честное слово! - в сердцах бросает Крынский.

Они уезжают на лифте.

Это ж... Юлин сын был! - наконец-то складываются мои пазлы. Сын!! Хороший пацан...

Глава 5 - Откуда взялся Стёпа

Мы едем домой.

- Климат-контроль полетел... - раздражённо жмёт на панель Роберт. - Точно пора тачку менять.

Кручу в руках чужой шарф. Мужской.

- Стёпочка, а кто тебе его дал?

Дорогой. Фирменный.

Вдыхаю запах парфюма. Пахнет головокружительно. Дымом и можжевельником. И ноткой чего-то сладко-горького, смешанного с очень личным запахом тела. Это почему-то не отталкивает, а совсем наоборот, заставляет ныть мою душу и тело, так соскучившиеся по взаимной страсти с мужчиной. И я стараюсь не помнить об этой части своей жизни. Так как головой я приняла решение не изменять своему мужу больше никогда в жизни. Но... запах пробуждает...

- Чудо-Юдо, - подумав, отвечает сын на мой вопрос.

Кто бы это мог быть?..

- Мхм... - поджигаю губы. - А как выглядел этот Чудо-Юдо? Нам бы его найти и вернуть ему шарф.

- Такой большо-о-ой... - проводит себе по подбородку, словно трогает щетину. - Я его покажу.

- Ладно.

- Зачем ты поддерживаешь его фантазии, Юля? Это только сильнее запутает его. При его проблемах уход в мир фан-

тазии чреват. Ты же знаешь... Он и так патологический фантазер.

Стёпа родился преждевременно из-за сильной гипоксии. Вся беременность от начала до родов была очень проблемной. И с первого УЗИ врачи советовали аборт. А после родов говорили, что вряд ли его мозг восстановится. И у нас много проблем. Но... Но мне кажется, что на данный момент он полностью преодолел задержки развития. И во многом опережает сверстников. Умеет читать, считать, легко решает графические задачи.

- Не надо все списывать на "особенности", Роб. Кто-то же дал ему этот шарф. Этот человек реальный. И если шестилетка называет его Чудо-Юдо, это наверняка, просто какая-то ассоциация. А может, мужчина пошутил так.

- Хорошо. Как скажешь.

Как только Роберт сосредотачивается на вождении, машинально прижимаю шарф к носу. Делаю глубокий вдох. Низ живота вибрирует и голова кружится...

Боги... Меня так только от Чадова уносило. Но я уже давно забыла его запах.

- Мама... - обнимая за шею, шепчет мне в ухо Стёпа. - Давай завтра вместе убежим.

- Куда? - выдавливая грустную улыбку, сглатываю ком в горле.

- Есть такое место - "рыбалка". Там мужики с удочками рыбку ловят. Мы поймаем и будем ее печь на костре. Я видел

В кино...

- Рыбалка... Роберт! А давай на рыбалку съездим на выходные? Стёпа просит.

- Юленька... Ну какая рыбалка? Ты хотя бы себе представляешь, что это такое?

- Нет, не очень, - честно признаюсь я.

- Вот и я не представляю. А мы ему только отит долечили.

И в такую погоду он опять выстрелит со своей хронью.

Уныло вздохнув, Стёпа надевает свои детские наушники с музыкой.

Очень любит музыку...

- У него отит, потому что мы его ругаем, а он не хочет этого слышать! - мне интуитивно хочется оправдаться за вечные проблемы со Стёпой. - И "закрывает уши".

Роберт знает, что биологически Стёпа не его сын. И это всегда висит чувством вины на мне. Хотя он меня не упрекает за это. Мы договорились, что никогда не поднимем эту тему.

- У него отит из-за того что при переохлаждении у него падает местный иммунитет и размножается патогенная флора, Юль. Ты же медик, а говоришь ересь.

- Я - плохой медик, - хмурясь, отворачиваюсь к окну. - Я верю в ересь.

- Если ты хочешь рыбу, мы можем ее заказать.

- Нет, я не хочу рыбу.

Стягиваю с сына наушники.

- Давай, мы уточек с тобой покормим завтра? - шепчу ему.
- На обеде сходим в парк. Там пруд.
- И Чуду-Юду позовём... - заговорщицки шепчет мне он.
- Хоть Чебурашку. Только без меня не убегай.
- Это что за зверь такой неведомый? - играя мимикой, поднимает высоко одну бровь Стёпа.

Прямо как Чадов!

- Откуда ты только берешь такие словечки?! - с удивлением смотрю на него.
- Стёпа! - ловит нас строгим взглядом в зеркало заднего вида Роб. - Ты почему не в кресле?! Юля, пристегни его немедленно.
- Да-да, конечно.

Стоим в пробке, Стёпа скучает. Он очень тяжело переносит однообразие. И переходит в "тактильно-двигательный" режим. Запросто может что-то сломать или сбежать. Сидеть на занятиях не может и вовсе.

Но сейчас он пристегнут, деваться некуда. Вижу, как сначала начинает беспокоиться и елозить. Его пальчики совершают всякие компульсивные бессмысленные действия и движения.

Пиная ритмично ногой в кресло водителя.

- Стёп, не надо, - кладу руку на его колено, пока Роберт опять его не отругал. - Ты папу отвлекаешь.

Через минуту пальчик тянется к стеклу и Стёпа начинает отдирать ноготком пленку.

- Стёпа... - одергиваю его я, беру его руку и рисую на ладони цифры, чтобы он угадывал и отвлекался.

- Мама... А я родился?

- Что?

- Откуда я у вас взялся?

- Как все детки - из животика.

С сомнением переводит взгляд на мой живот.

- А как в животик попал?

А как ты в животик попал, лучше маме не вспоминать...

ФЛЕШБЭК:

- Карл Ильич! - догоняю по коридору главного врача. - Вы просили подойти.

- Ах да! У нас зарезервировано несколько мест на медицинскую конференцию. Там есть несколько секций по психиатрии. Я настаиваю, чтобы ты поехала.

- С удовольствием!

Так хочется развеяться...

- Обязательно - с удовольствием. Обязательно, дорогая Юлия Юрьевна, - сжимает мое предплечье. - Лучший пансионат на берегу пруда, в сосновой роще. Сауна, бассейн - всё включено. Номер - полулюкс. Двое суток.

- Ой... Я даже не знаю. Двое суток.

Роберт не допускает, чтобы спали где-то вне дома по одной ночке.

- Вам будет читать сам Мелевич и Анохина. Когда ещё ты

сможешь пообщаться с профессорами такого уровня? Даже не думай - соглашайся.

- Мне нужно сначала с мужем поговорить.

- Роберт Альбертыч летит со мной завтра в Москву на четыре дня. Нас пригласили на серию защит по перинатальной диагностике патологий.

- Он ничего не сказал...

- Я ему только сообщил. В общем, вот тебе путевка, имя твое я уже вписал.

- Но...

- Никаких - "но"! Ты у меня единственный психиатр, без маленьких детей и дежурств в эти выходные.

Ловит взглядом кого-то за моей спиной, теряя ко мне интерес.

- Борис Егорович! - окрикнув, обходит меня. - Чадов! Обращиваюсь.

Тот самый брутал, что смеялся тогда с Хасановым.

Борис Егорович, значит, - зачем-то запоминаю я.

Они стоят тихо беседуют. А я застыв, ловлю себя на том, что не мигая откровенно пялюсь на этого Чадова, как школьница прижав к груди папку с бумагами. Встречаемся с ним взглядами.

Лицо мое вспыхивает...

Иди отсюда, Крынская, иди!!

Прячу путевку в карман халатика, и поправив волосы, иду куда слепые мои глаза глядят. Останавливаюсь у стойки ко-

фейни.

- Латте, пожалуйста, - прошу на автомате.

Спиной чувствую внимание этого Чадова. А может, у меня просто крыша поехала уже.

Бариста ставит на стойку стакан. Делаю поспешно глоток.

Достаю карту.

- Извините, но у нас терминал сломался. Только наличкой.

- Ой... - шарюсь по карманам.

И как назло - ни копеечки. Неловко как! Ещё и бариста новенький и не знакомый.

- А можно я Вас угощу? - кладет купюру на стол Чадов.

Она тут же исчезает в ловких пальцах баристы, без моего положительного ответа.

- Спасибо. Я Вам занесу. Скажите только - куда, - опускаю взгляд не выдерживая его очень энергичного и заинтересованного.

- Я Вас угощаю, а не одалживаю.

- Спасибо...

Воздух имеет другую плотность рядом с ним. Дышать им невозможно!

И даже мой спокойный и ничем не приметный голос почему-то то хрипит, то мурлычет низко.

В его руке такая же путевка как у меня.

Подхватив стакан со стойки, оглядываюсь, с желанием сбежать поскорее. Моя неадекватная реакция на этого брутала вводит меня в панику.

- Юлия Юрьевна...

Вздрагиваю.

Он расспрашивал обо мне у Хасанова??

От этого мои колени ещё мягче.

И я конечно же понимаю, что дура я... Дура невозможная!

Ну что я могу поделать?!

- М? - невнятно мычу ему, облизывая пересохшие губы.

Делаю пару глотков кофе.

- Можно Ваш номер телефона попросить?

- Зачем?..

- А что-то с головой у меня беда последние пару дней, - ухмыляется, явно флиртуя. - Нужна консультация специалиста.

- Извините, - вспыхиваю ещё жарче и наверняка ярче. -

Но, нет.

- Почему?

- Я... замужем, - пожимаю плечами, бросая взгляд на свою обручалку.

Его лицо вздрагивает на мгновение сложно читаемой эмоцией. Но мне кажется, я вижу оттенок раздражения.

- А я знаю, - плотоядно, чуть зло и с вызовом улыбается.

- Нет... - качаю головой с вежливой улыбкой.

Оставив стакан с кофе, сбегая.

В моей голове стучат беспокойные пьянящие пульсы.

Он тоже едет! Тоже!!!

Глава 6 - Маньяки (Флешбэк от Ю.Ю.)

Чувствую себя девочкой, которая едет в детский лагерь отдыха. Ощущения один в один.

Я лет в десять точно также собирала себе сумку, трепеща от предвкушения.

Роберт везёт меня сам.

Как в детстве вез отец в лагерь.

Тогда мне так и не удалось попасть туда. Я чем-то расстроила его по дороге и он... передумал. Развернул машину и мы поехали домой.

Это была ужасная травма для меня. Только позднее, я поняла, что он и не планировал меня туда довести. Он даже не покупал путевку. Просто ещё раз "выпорол" побольнее, сыграв на моих наивных ожиданиях, чтобы я боялась ещё сильнее его расстраивать.

И мне кажется, Роберт тоже сейчас развернет машину. И я сижу, впад в детство, и боясь расстроить его.

Господи... это когда-нибудь закончится во мне?

Конечно же, он не развернет. Роб - это не папа. А я - не маленькая девочка. Но эти эмоции тревоги все равно звучат во мне эхом.

- Когда все закончится, вызови, пожалуйста, такси и поез-

жай домой. А утром вернёшься.

- Если у меня будут силы на это. Программа очень насыщенная.

Роб, не глядя на меня, поднимает мою руку и целует пальцы и ещё раз в обручальное колечко.

- Я тебя очень прошу. Иначе, я буду волноваться.

- Я постараюсь, - опять уклончиво отвечаю я.

Хочу остаться!

- Придется, постараться, - улыбается он, немного сухова-
то. - Я заказал для тебя доставку на десять. Домой.

- А что там?

- Сюрприз...

- Спасибо.

Придется ехать, он же старался...

- Деньги на карту я тебе перевел. Наличка... На всякий случай, - достает из кармана несколько крупных купюр. - Пиши мне, пожалуйста, почаще.

А мне, наоборот, хочется немного переключиться и забыть обо всем на свете в новой обстановке.

- Конечно. Но... Я же буду на работе. Как и ты.

- Да-да, я понимаю. Давай так - пиши мне, как соскучишься.

Черт...

Это каждые два-три часа. Иначе, я получу неловкий вопрос, чем я так увлечена, что даже не вспоминаю о нем. Это я уже проходила.

Останавливается у огромных ворот пансионата. Большими буквами написано "Янтарь".

Наклоняюсь, чтобы поцеловать его в щеку. Он удерживает меня, целуя в губы.

- Очень люблю тебя. Не забывай об этом.

- Помада, Роб, - вежливо уворачиваюсь я.

И тут же опускаю зеркало, поправляя макияж.

Он выходит, чтобы открыть мне дверь.

- Хорошей тебе дороги! - забираю у него из рук сумку.

Он молча с ожиданием смотрит мне в глаза. Нужно поцеловать ещё раз. Или расстроится...

Мягко касаюсь губами уголка его губ. Он поправляет на мне высокое горло свитера, застегивая верхнюю кнопку кожаного белого плаща.

Вокруг нас много машин и людей. Но замечаю я это все, только после того, как он уезжает со стоянки. И словно кол вбитый в мой позвоночник растворяется.

Я становлюсь улыбчивая, лёгкая, парящая и довольная.

Вокруг высоченные сосны! Снег тает... птицы щебечут. Воздух как хрусталь и как колодезная вода. Не могу надышаться. И пьяная от кислорода, верчу головой разглядывая снежно-зелёные, но уже весенние пейзажи.

По широкой мощеной тропинке не торопясь и по весеннему стуча каблучками, иду на регистрацию к административному корпусу. Скользко...

- Юля! - слышу сзади голос Руслана.

Оборачиваюсь.

- Поскользнёшься. Давай руку, - подаёт локоть Хасанов.

- Позвольте... - с другой стороны, решительно забирает сумку Чадов.

Хапнув ртом воздуха теряюсь между ними. Видел бы сейчас это Роберт!

- Доброе утро, Юлия Юрьевна, - прищуривается пытливо Чадов.

Киваю. Словно для меня ничего не значит его доброе утро. И не стучит в горле сердце и не кружится голова моя...

Смутившись, тут же отворачиваюсь к Хасанову.

- А кто ещё из нашей клиники здесь?

- Увидим! - пожимает тот плечами, отвечает на телефонный звонок.

- Ну что ж, - негромко басит мне Чадов. - Если нас демонстративно не замечают, значит, нами активно интересуются. Да?

Бросаю на него возмущенный взгляд, вспыхивая от того, как он попал прямо в яблочко.

Я не могу абстрагироваться от его персоны. Не-мо-гу!!

И вся зависаю в своих неоднозначных чувствах, на автомате двигаясь между мужчинами.

- Ступеньки, - подхватывают они меня под локти.

А мне кажется, что муж наблюдает за мной. Я даже оглядываюсь...

Роб никогда не устраивал мне сцен ревности. Но он делает

это как-то иначе. Я не могу уловить как. Но моя тревожность резко подпрыгивает, если я ощущаю, что он будет ревновать в какой-то ситуации. И я интуитивно уклоняюсь от нее.

Возможно, Роб ничего и не делает. Все со мной уже сделал за него мой отец. А он вообще здесь не при чем.

Мне не хочется сейчас думать о Роберте. В конце концов, это просто галантность коллег и не более.

Мне открывают дверь, мне помогают с регистрацией... Да, я привыкла к тому, что все всегда делают за меня. Сначала отец, потом Роб. Наверное, меня это немного удручает. Но жить иначе я не воспитана. Мужчина рядом - это и стена, и фильтр, и опора и много ещё чего. Но я уже довольно давно поняла, что цена за это всегда весомая.

Иногда, когда есть время на работе, я сажусь и пытаюсь посчитать свои деньги и расходы. Понять, смогу ли я выжить вообще одна? Мне кажется, я социальный инвалид.

Я как восточная жена полностью защищена от реала. Коммуналка, паспортный стол, месячный бюджет - это для меня просто слова со смутным значением. Я никогда этого не касалась.

Даже когда я доучилась и защитила диплом, всю беготню с бумажками взял на себя Роберт. И я просто пришла работать на освободившуюся вакансию. Меня сразу взяли в ординатуру.

Мои немногочисленные приятельницы завидуют мне белой завистью. А я чувствую себя тотально виноватой. Мне

дают все! Заботятся обо всем! А я только и мечтаю, что бежать. Но птицы выращенные в клетке на воле не выживают. У меня нет веры в то, что я справлюсь. И всё же...

Старшие коллеги советуют попить таблеточки для снижения тревожности.

Но я плохой психиатр. Я против таблеточек для здоровых людей. Я видела что делают эти таблеточки с людьми на практике в психиатрической. Как легкие диагнозы превращаются в серьезные патологии.

- Второй этаж, двадцать седьмой номер, - отдает мне ключ сотрудник с ресепшена.

Отдает программку.

- На втором этаже не будет света до двенадцати дня. Чинят проводку. Администрация просит извинить за накладку.

Ничего страшного... Сейчас завтрак, сразу после - открытие конференции в актовом зале.

Моя сумка все ещё в руках у Чадова. Хасанов исчез...

- Можно? - стреляю взглядом на нее.

Он забирает у сотрудника свой ключ.

- Я Вас провожу.

- Зачем?

- Может там в темных коридорах кто красивым женщинам активно симпатизирует. А активно симпатизировать Вам, я разрешил только себе.

Уходит на лестницу, не дожидаясь меня.

Догоняю.

- Вы шутите? Здесь одни доктора да профессура.

- А Вы думаете среди них маньяков нет?

- Думаю - нет!

Замирает на мгновение, ловя мой взгляд.

- "А как же я, Малыш"? - интонацией Карлсона.

От неожиданности фыркаю от смеха. И не нахожу слов для возмущения.

Кусая губы, спешу за его быстрым шагом.

- Ну вот... - взмахиваю ключом у своего номера. - Мы пришли. Спасибо. Можно сумку?

- А как же проверить номер на наличие посторонних маньяков? - улыбаются его глаза.

- В моем номере ноги Вашей не будет! - строго дёргаю бровями.

- Это вызов.

- Прекратите! - поднимаю кисть и растопыривая пальцы, многозначительно демонстрирую ему обручалку.

Его внимание очень приятно, но...

- Да помню я! - закатывает глаза.

- Вот и не забывайте, Борис Егорович, - вытягиваю из его большой горячей руки сумку.

От прикосновения - ожог и эндорфиновые мурашки. Чувствую, как в полумраке усиливается его запах.

Неожиданно щелкает пальцами возле моего уха, вздрогнув дёргаю головой на звук. И ощущаю прикосновение с другой стороны к волосам.

- Что Вы делаете?! - касаюсь пальцами чего-то нежного и влажного в моих волосах.

Ухмыльнувшись, уходит. Провожая его взглядом. Захожу в номер. Включаю свет. Не горит. Открываю шторы. Иду к зеркалу, посмотреть что там, в моих волосах. Подснежник...

Глава 7 - Бесноватый(Флешбэк от Горыныча)

В обеденном зале мы с Русом сидим за столиком у окна, в самом углу.

Я по десятому кругу обвожу взглядом многочисленные столики. Ищу ее. Беспокойно и нетерпеливо вертится нутро.

- Где же наша Ю.Ю. Крынская запропастилась?

- Ой, Горыныч... Крынская - приличная девочка. Она не про краткосрочные адюльтеры.

- Согласен. Краткосрочный роман такой девочке только полный кретин предложить может.

- Думаю, и не про долгосрочные.

- Ты ревнуешь, что ли, Рус? - вглядываюсь ему в глаза.

Вроде спокойный...

- Нет. Семейные - не моё. Я собственник. Для меня это табу.

- Семейные и для меня табу. Но если детей нет, для меня это не семья. Почему я должен признавать право другого мужика владеть женщиной, которой хочу владеть я?

- Потому что она вышла за него, нет?

- Ну... Это у нее просто "велосипеда" не было, - подмигиваю Русу заговорщицки. - А теперь есть.

- Тогда, может быть, потому что ты периодически работа-

ешь с ее мужем? - стреляет взглядом вниз, намекая, что гинекология под нашим отделением.

Когда у них отсутствует анестезиолог, дёргают меня или кого-нибудь с кардиологии. За то недолгое время, что я работаю с Хасаном было может раза три. И только один из них я работал с Крынским. Скользкий какой-то... Да и старый для нее. Я то ее на десятку, не меньше, старше. А он так и на все семнадцать-восемнадцать.

- Нет, это нихера не обоснуй. Мужское общество оно такое - конкурируй и сотрудничай.

- Бедная Юленька, - качает с улыбкой головой Хасан. - Назначена трофеем. Вокруг тебя тут персонал круги наворачивает. Легко и просто всё, - ухмыляется провокационно Рус. - Даже брать не надо. Расслабился, отдался.

- Ты мне тут всяких спирохет бледных не подсовывай! - морщусь я. - Колись лучше, почему от Ю.ю. отговариваешь?

- Хм... Не отговариваю. Это твой выбор. Не обижай только. Таких женщин нельзя обижать.

- Вы хорошо знакомы?

Пожимает плечами.

- Работаем вместе в комиссии по психиатрическому освидетельствованию пациентов. Хорошая девочка. Искренняя. Порядочная. Наивная, я бы сказал. И даже веселая, если на горизонте её Роберта Альбертовича не видать.

Не собираюсь я обижать. Залип... Спать не могу! Как радар по клинике передвигаюсь - вдруг она где-то... Ну не адек-

ватно это уже в моем возрасте на расстоянии обожать. Надо забирать как-то...

А обедать эта хорошая девочка так и не пришла.

- Рус, дай номер ее.

- Не спортивно, Горыныч.

- Окей... Сам возьму.

После обеда в расписании сиеста. Хасана оккупировали аспиранты.

На ресепшене беру пресс-релиз, изучая все секции и мероприятия.

Где ты можешь быть?

"Воркшоп по психоанализу. Тактильная диагностика и терапия."

Вот как раз во время обеда поставили. Сто процентов там!

Ищу нужный холл. Приоткрываю тихо дверь. Немногочисленная аудитория сидит спиной ко мне. Ведущий лицом.

- ...Если пациент не прорабатывает травму, она переходит в хронический стресс и посттравматическое расстройство. Все это вызывает мышечные зажимы, которые, в свою очередь вызывают множество заболеваний. Как правило, наибольшие последствия имеют детские травмы... Таких пациентов мы наблюдаем в психосоматическом отделении.

Незаметно присаживаюсь во второй ряд за спиной Ю.ю.. Здесь всего человек двенадцать...

- Подавленные эмоции имеют свои локации в теле. Давайте разберем чувство вины, например. Кто желает поучаство-

вать?..

- Я, - вздрагивает Юлия.

- Прошу Вас... - указывает на место рядом с собой на кафедре. - Я закрою Вам глаза... Попробуйте максимально открыться. Дышите глубоко.

Ведущая надевает ей черную повязку для сна и разворачивает лицом к аудитории.

- Мне нужен помощник.

Решительно встаю. Слишком уж уязвимо выглядит Юля с завязанными глазами. Ведущая ставит меня позади неё и кладет мою ладонь ей между лопатками.

- Пациент должен чувствовать фиксацию и опору от терапевта или партнёра, если идёт проработка пары. Опора спиной в ладонь или на грудь партнёра.

Моя ладонь полыхает от прикосновения, мне кажется, я прожгу ее тонкий молочный свитер.

Она ведёт плечами и шелковые волосы ласкают мою кисть.

- Итак, чувство вины... - продолжает ведущий. -... Локация - три точки. Низ живота, восходящий спазм в солнечное сплетение - страх неприятия и, дальше, в горло - страх наказания. Это все зоны поражения, так как спазм вызывает сбой кровоснабжения в данных зонах. А значит и падение местного иммунитета.

Вторую мою руку, ведущая кладет на низ ее живота.

Ю.ю. на мгновение растерянно касается моей кисти. одер-

гивает тут же пальчики.

- Попробуйте почувствовать, как в теле ведёт себя "вина".

Прижимаю ладонь крепче.

- Как Вас зовут? - берет ее за руку ведущая.

- Юлия.

- Юля... Ты же знаешь, как я стараюсь ради тебя... - вкрадчиво. - Ну как ты можешь? - с обиженной интонацией. - И это после того, что я для тебя делаю!

Чувствую, как резко напрягается живот под моей ладонью. И осанка сразу меняется...

- Это же не сложно проявить хоть немного участия, верно?.. Я для тебя вообще что-нибудь значу? Похоже, тебе все равно...

Рефлекторно перехватываю другой рукой за плечи, прижимая к своей груди. И за живот тоже вдавливаю в себя. Пытаясь ее закрыть от этого тонкого нападения. Она такая хрупкая, изящная и маленькая. Тонет в мои объятиях, становясь мягкой и расслабленной. И пахнет тоже хрупко и изящно... Ее висок прижимается к моей небритой щеке.

Я тоже тону... В головокружительном чувстве близости. Забывая, что мы практически на сцене.

Вот, моя она и всё!

Бывает же так...

Вроде чужой человек, а надышаться и насмотреться не можешь. И попробуй этому человеку объясни, что он ТВОЙ.

- Вы сейчас все правильно сделали, - комментирует веду-

щий.

Ведёт по моей руке, которая держит ее поверх плеч.

- Это поза - "защита отца". Архетипа отца. Так как мы все понимаем, что реальный отец не всегда совпадает с архетипом. А раскрытая кисть внизу живота - "защита мужа". Сейчас Вы притормозили развитие спазма, эмоционально защитив пациента. Взяли под контроль ее живот и грудную клетку. Юля, запомните это ощущение и унесите его с собой. Это Ваша тактильная психоэмоциональная блокада.

- Можете присесть, - аккуратно снимает с нее повязку.

А я не могу отпустить... Да и Ю.ю. моя не дёргается, вжавшись в меня спиной. И мы стоим...

Ведущая говорит что-то фоном...

- ...Спазм рождается в животе, в данном случае. У женщин нередко это даёт проблемы по репродукции...

Надо отпустить, но я только крепче прижимаю к себе.

Кое-кто с мест начинает многозначительно улыбаться. Инстинктивно прикасаюсь губами к виску, глубоко втягивая ее запах. Пальцы мои оживают, изучая податливое тело.

- Ой... - шепчет она, отмирая.

Отпускаю.

- Спасибо за... - разворачивается она ко мне.

Встречаемся взглядами. Ее глаза распахиваются от тихого шока. Делает шаг назад.

- Пожалуйста, - шепчу, незаметно подмигивая. - Обращайся.

Ее красивое лицо вспыхивает. Смутившись, опускает взгляд.

На кафедру поднимается следующая пара.

Не позволяя ей вернуться на место, практически силой веду за руку к выходу.

- Что Вы делаете? Прекратите.

- Не могу.

- Вы меня компрометируете в глазах коллег.

- Всем до звезды.

- Отпустите!

- Будешь сопротивляться, на руках понесу.

Втягиваю ее в ещё не работающий пустой бар.

Здесь все занавешено темными портьерами и одинокий тусклый светильник светит только над баром.

- Господи, да что мне - кричать что ли?!

Разворачиваюсь, ловя ее лицо в ладони.

- Обязательно... - шепчу ей. - Обязательно кричать... Но потом...

Жадно жру взглядом ее лицо - глаза, губы, изгиб бровей... и снова глаза - живые, светлые, блестящие в полумраке. Испуганные.

- Что ты делаешь? - шевелятся беззвучно нежные губы.

- Ну а как тебя ещё рассмотреть? Отворачиваешься, убегаешь...

Красивая какая... Словно ненастоящая. Как будто ее аниматор нарисовал, утрируя красоту.

Очень хочется поцеловать. Но, чувствую, что не ответит, а оскорбится.

- Мне показалось, я тебя не дообнимал там...

Не растопилась моя Снежная королева.

- А "у меня бабушка чемпион мира по обниманиям"... Она мне не простит.

Сгребая в объятия, зарываясь носом в волосы.

- Минуту со мной постой так, и клянусь, отпущу.

- Чадов...- растерянный шепот.

- М?

- Минута прошла. .

- Значит, еще минуту.

- Вы бесноватый? - шепчет мне в ухо. - Вас надо покрестить. Вы людей пугаете.

Ну вот, хоть чуть-чуть ожила.

- Спасибо, что не отпеть, - хрипло смеюсь я. - Ладно, беги.

Вечером увидимся.

Не бесноватый я. Одержимый... Покрестить не поможет, только повенчать!

Глава 8 - Тайны от папы

Закончив с пациентом, иду в кабинет к мужу, чтобы забрать Стёпу. Сегодня выходной и я только до обеда. А у Роберта сегодня каким-то особым пациентам консультации назначены.

Останавливаюсь в дверях.

Роберт смотрит в окно, сложив за спиной руки. Стёпа, скучая, пишет под его диктовку буквы в пропись.

Детский психолог рекомендовал нам активнее развивать мелкую моторику и осваивать письмо. Это организует мышление и речь. А организованная речь делает ребенка более упорядоченным. Стёпа не любит писать. Он любит рисовать. Но Роберт настаивает, что письмо освоить полезнее. Пусть. Я благодарна, что он им занимается, когда меня нет. А порисую я с ним сама.

- А... У... Я...

Морща нос, Стёпа отрывает руку от прописей и начинает рисовать ручкой на краешке документов Роба, дорисовывая печати ноги.

- Стёп! Нельзя... - захожу я.

Роберт разворачивается.

Ругает его за испорченный документ с печатью.

- Ты понимаешь, что нельзя этого делать без разрешения?? Ты испортил документ.

- Ничо нельзя... - вздыхает Стёпа, прикусывая кончик ручки.

- Не грызи! - забирает у него ручку. - Знаешь сколько там бактерий? Живот потом будет болеть.

Стёпа умело закатывает глаза, продолжая огрызаться.

- Ничо не будет... Грыз и не было.

Я молча вытаскиваю из принтера чистый лист.

- Здесь рисуй.

- Юленька... - протягивает мне чеки Роберт. - Вбей в расходы.

Роберт просит, чтобы я вела наши расходы, ему самому некогда.

Смотрю в чеки - сорок тысяч и десять тысяч.

- А что это?

- Я нашел для Стёпы новый сад. Оплатил следующий месяц. В этом месяце у них живое вакцинирование...

Слушаю его вполуха.

- Сорок?.. - вглядываюсь в чек.

- Это самый лучший сад в городе, там серьезная охрана. Они согласились его взять с нашим анамнезом.

Я никогда не потяну сама таких сумм.

Горло сжимается от удушья.

- Очень дорого.

- Я же обещал, что у тебя будет все самое лучшее.

- А это? Психолог? - смотрю на десятку.

- Да.

- Спасибо... - поджимаю я губы.

- Ну о чем ты? - отмахивается.

- Заберу его прогуляться.

Помогаю Степе одеться. Поправляю джинсы.

- Так, я не поняла. А где твои колготки?

- Мама, я их выкинул, - шепчет мне в ухо. - Мужики колготки не носят.

- Ну вот, здрасти! - обескураженно смотрю на его голые ноги в сапожках.

- Папе не говори... - косится он на разбирающего бумаги на столе Роберта. - Это будет наша тайна.

Вздыхнув, поправляю джинсы. Ладно. Куплю ему сейчас носки и какие-нибудь хлопковые штанишки под джинсы.

- Мужик... - тихо ворчу на него. - Пойдем, мужик.

- Хасанов... - поднимает со стола мой трезвонящий телефон Роберт. - И вчера поздно вечером звонил...

- Это по работе, Роб.

- Он всегда был беспардонным... Понятия личного времени для него не существует.

Потому что он сам пашет в свое личное время, хочется оправдать мне Руса. Но я не хочу ещё сильнее накалять эту тему.

- Да? - отвечаю на вызов.

Коротко поговорив, скидываю вызов.

- Что он хотел?

- Просит подойти, проконсультировать по пациенту. Стёп,

пойдем...

С болезненным спазмом в грудной клетке поднимаюсь в нейрохирургию вместе с сыном.

Чадов здесь анестезиолог-реаниматолог.

Вот, я веду за руку его сына. Господи, пронеси нас от встречи с ним. Я не могу предсказать реакцию Чадова, если он узнает об этом.

Они так похожи...

Как хорошо, что Роберт нашел этот детский сад. Водить в клинику Стёпу - это игра с огнем. Особенно в свете выпада Чадова в лифте. Зачем он это??

Он всегда был чокнутым!

Хасанов - у ординаторской.

- Юль... Юрьевна... - встречается он меня. - У нас пациент тяжёлый аллергик. Подскажи нашему Горынычу... Какие сейчас есть самые эффективные и гипоаллергенные схемы.

Горынычу?!

Встречаемся с Чадовым растерянными взглядами. Его консультировать??.. Хасанов это специально?!

Чуть смещаю сына за себя, чтобы его нельзя было разглядеть.

Рядом с грохотом обрушивается макет скелета, разлетаясь на косточки.

Перевожу растерянный взгляд на сына. Он зажимает в кулаке позвонок.

- Ой... Извините, пожалуйста... Стёп! Ну, ты что наделал?!

- Ничо я... Это не я... - бурчит мой бандит.

- Ничего. Я студентов отправлю. Пусть собирают. Зотова, за мной... - уводит из кабинета своего ассистента.

Мы остаёмся втроём - Чадов, я и Степан.

Гневно и болезненно смотрим друг другу в глаза. Молчим...

- Мам, - дёргает меня за одежду Стёпа. - Мама...

Не реагируя в растерянности поправляю волосы.

- Здравствуй, Юль, - хрипло выдавливает из себя Чадов, проводя ладонью по коротко стриженным волосам.

- Здравствуй... - теряю я голос.

Опускает взгляд на Стёпу. Вздрогнув, нахмуривается.

Задерживаю дыхание.

Нет! Ну, нет!! Не бывает так. Не мог он догадаться вот так с первого взгляда!

В ужасе наблюдаю за его лицом.

- Привет, Степан.

- Мама, это Чудо-Юдо. Шарфик! Утка! - радостно выпаливает Стёпа.

- Что?..

- Ты в парк с нами пойдешь! Да, мам? Уток кормить хлебушком. Да, мам?

Ну конечно же! Кто ж ещё мог надеть на моего ребенка шарф в тысячекоечной больнице?! Только Чадов.

Облизываю пересохшие губы. Достая шарф, упакованный в прозрачный пакетик из сумки.

- Это твой?

- Мой...

- Спасибо, - сухо шепчу я.

Кладу на край ближайшего стола.

- Вам действительно нужна моя консультация, Борис Егорович?

- Нет, не нужна мне...

- Всего хорошего.

- Юль!

Застыв, со страхом жду, что он ещё скажет.

- Мам! Больно... - выдергивает ручку Стёпа.

Боже!

Перехватываю заново. Аккуратнее.

Переступая через кости, вылетаю за дверь, вытаскивая за собой упирающегося Стёпу.

- А как же он?! Ты обещала что позовём... Мам?! - возмущается сын. - Уточек кормить! Ты же обещала!

- Тихо! - рявкаю я, нервно вдавливая кнопку первого этажа в лифте.

И тут же ругаю себя, какая я отвратительная мать, что срываюсь на ребёнке.

Надувшись, Стёпа хмуро смотрит в сторону.

- Стёпочка... - кладу ему на голову руку.

Дёргается, уворачиваясь.

Ну вот...

Глава 9 - И снова тайны...

Покупаю булку хлеба, увожу сына в парк.

Нахохлившись, молчит, засунув руки в карманы. Сразу же садится на лавочку, даже не подходит к пруду.

- Покормишь? - разламываю хлеб.

Молчит.

Ну ладно...

Вздыхая, отламываю корочку. Откусив, медленно жую.

Стёпа забирает вторую половину булки и тоже ломает хлеб, засовывая в рот.

Роберт бы нас сейчас вынес за то, что мы делаем это грязными руками.

Но его нет рядом и мы делаем...

- Я люблю тебя, - сжимаю маленькую коленку.

Встаёт, идёт к кромке воды. Его окружают утки и голуби. Подбегают другие дети. Стёпа делится хлебом.

Мне звонит Роберт, интересуется, освободилась ли я из нейрохирургии и когда мы вернёмся. Отправляет мне контакты медика из нового детского сада, чтобы я уточнила даты, когда мы можем выходить.

Сосредотачиваясь на разговоре, всего на мгновение упускаю из виду сына, сохраняя номер телефона.

И когда поднимаю взгляд, Стёпы нет!

Растерянно оглядываюсь. Секунд десять я его не видела!

Куда он мог...

Хлеб у детей кончился, он идут в направлении своих родителей. А Стёпы нет!

- Стёпа! - зову его. - Стёпа!!

На глаза наворачиваются слёзы беспомощности и паники.

Делаю оборот вокруг своей оси. Кровь стучит в виски, голова кружится...

Вокруг все серо-зеленое, а у него оранжевая курточка, я специально выбрала самую ярко-кислотную.

Люди-люди-люди... За тропинкой аттракцион - батуты на резинках. Но курточки нигде не видно.

От накатывающей слабости мне становится плохо, живот сжимается от страха. Он мог упасть в воду? Тут мелко... Я не слышала никаких плесков.

- Стёп!

Натыкаюсь на Чадова.

Хмуро смотрит мне в глаза.

- Юль, ты чего?

- Стёпа сбежал... - задыхаясь, шепчу я, поджимая дрожащие губы. - Только что тут... И нет...

Отворачиваюсь, вглядываясь в людей. Сумочка падает из рук.

- А вы мальчика в оранжевой куртке не видели? - подлетаю к паре, идущей вдоль по дорожке. - Минуту назад здесь был.

Нет, не видели.

- Так. Спокойно.

Чадов ловит меня за локоть, возвращая сумку.

- Минуту назад, говоришь?

Киваю.

- Хм. Да тут и спрятаться негде. Я этот парк как свои пять пальцев. Разве что... - поднимает голову на стоящую метрах в тридцати старую черешню.

Проследив за его взглядом, вижу курточку! На дереве! Высоко.

Обессиленно оседаю на лавочку. По щекам слезы. Во-первых, от облегчения. Во-вторых, потому что , если бы я сейчас понеслась его искать, он бы слез и ушел куда глаза глядят. А в-третьих, потому что Чадов опять будет на него сейчас смотреть. И вообще - пришел! Зачем пришел?! Мучить меня??

Помогает слезть Степе. Черешня очень ветвистая. А так бы не знаю, как снимала бы его. Ведёт его за руку. Что-то говорит ему.

- ...Ты ж мужик, почему маму обижаешь? Для мужчин - это табу.

- Табу?

- Запрещено кодексом чести. Есть у тебя мужская честь?

- Есть! Я не обижаю. Я просто спрятался. Как Человек-паук.

Втягиваю Степу к себе на колени.

- Мам! Ну чо... Я большой уже, - вырывается.

- Пойдем-ка, Человек-паук. На батуты технику прыжков отрабатывать, - берет его за руку Борис.

- Маленький он ещё для таких аттракционов.

- Для черешни вырос, значит и для батутов уже тоже.

Стёпа, вырывая руку радостно бежит вперед.

Едва успеваю за ними на каблуках. Сдав Степу аниматору на аттракционе, Чадов возвращается ко мне.

Мы молча смотрим, как Стёпа радостный и счастливый летает вверх-вниз. И кричит нам, чтобы мы смотрели, как он может. И так! И эдак!

Грустно улыбаюсь, опуская взгляд.

- Хороший у тебя пацан.

- А ты зачем пришел, Борис? - не глядя на Чадова спрашиваю я.

Не случайно же он у пруда оказался.

- Я не знаю... - тяжёлым тоном.

Достает сигарету. Прикуривает. Бросает на меня взгляд.

- Ты вот... Близко... Живая... А я по тебе как по мертвой который год тоскую. Неправильно это. Вот... Пришел. Посмотреть на тебя. Живую.

Живую?..

- Может быть... Ты мне скажешь что-нибудь... Такое... Чтобы я понял - "почему".

Мне нельзя с Чадовым беседовать. Он меня опять как девочку расчленит своей открытостью и теплотой. А потом снова потеряется в самый сложный для меня момент, оста-

вив одну. Нет...

- Мужа люблю, - мертвым голосом сообщаю ему я, чтобы эмоционально отрезать.

- Да-а-а?! - с яростным сарказмом. - Прямо любишь?

От вспышки его эмоций перехватывает дыхание!

- А чего тогда с бывшим любовником целуешься?

- Что? Я не... нет.

Ловя меня за нижнюю челюсть, давит пальцами на щеки, вливается в приоткрытый от шока и давления рот. Грубо врывается в меня языком, обводя мой.

Мне хочется остаться в этом мгновении и больше никогда из него не выходить. Пусть не заканчивается! Пожалуйста!

Укус...

Отстраняется.

- Ну как же "нет"? - зло играет бровями. - Ты еще и трахаешься с ним как кошка голодная до отключки!

Меня обваривает кипятком, от нахлынувших воспоминаний. Мурашки поднимаются по шее, затылок немеет от сладкой волны предоргазменного ощущения.

Открыв рот, смотрю растерянно ему в глаза. Губы горят и болят...

Отрицательно кручу головой, сглатывая ком в горле. Он же не посмеет, да, ничего такого?..

Оскалившись, стреляет сигаретой в урну. Уходит.

Обняв себя за плечи, как тупая кукла смотрю на то, как Степу спускают с батута.

Идём с ним за руку. Колени трясутся от произошедшего.

- Мам... А он тебя поцеловал. Я видел. Зачем он поцеловал?

Кошмар! Чадов, ты идиот?!

- Стёпочка... - со мучительным стоном присаживаюсь перед ним. - Ты, пожалуйста, никому-никому-никому никогда это не говори.

- Папе не говорить?

Закрываю глаза.

О чем ты просишь ребенка, Крынская? Врать? Ещё и о таком?!

А что мне делать, если Чадов провокатор?!

- Папе.

- Это наша тайна?

- Тайна.

- А зачем он поцеловал? - не унимается сын.

Зачем я ему отвечала, вот в чем вопрос! Я же отвечала, да?.. Ооо...

- Зачем?

- Ч-ч-ч... всё. Тайна.

Глава 10 -

“Соглашайся” (Флешбек от Ю.ю)

Саундтрек: “Здесь лапы у елей дрожат на ветру” - Владимир Высоцкий

Мы едем домой. Стёпа уснул в кресле.

Я прикасаюсь периодически к своим губам пальцами... пытаюсь то ли воспроизвести ощущение от поцелуя, то ли стереть его. Чадов всегда делал что хотел. И плевать ему было на все мои “да” и “нет”. И все же с ним всегда было хорошо... словно мои “да” и “нет” были и не нужны.

Роберт, пока мы стоим на светофоре, крутит радио. Натывается на лирику Высоцкого.

- Оставь, пожалуйста, - прошу его.

- Юленька... ну я тебя умоляю... шансон? - пренебрежительно.

- Какой же это шансон?

Это часть души моей.

- Оставь.

- Ну хорошо...

Я закрываю глаза. И меня уносит словно наяву в наш первый поцелуй с Чадовым.

Флешбэк:

На стоянке, где множество машин участников конференции, жду такси. В темноте рядом фонарем. Роберт вызвал для меня на девять. Злюсь на него, что он вынуждает меня ехать домой. А потом на себя, что не решаюсь отстоять свои желания.

Какие желания, Крынская? С Чадовым еще разочек пообщаться? Поезжай домой от греха! Нельзя...

Сердце колотится болезненно, что нельзя... А внутри звучит его пьянящий обволакивающий тембр, низкий голос с хрипотцой...

Хватит!

Валит мокрый снег, набираясь за воротник. И мои замшевые сапожки тоже промокли.

Поглядываю на время. Ну почему так долго-то?

Набираю мужа.

- Роб? Уточни где водитель, пожалуйста. Я промокла и замёрзла.

- А ты ещё не села?! Минуту...

Скинув вызов, вхожу под свет фонаря, чтобы найти в сумке перчатки.

Слышу, как слева приглушённо хлопает крышка багажника.

Отвернувшись, отвечаю на вызов Роберта.

- Юленька, к сожалению, машина оказалась с низким клиренсом и завязла в снежном завале. Сейчас вызову внедо-

рожник.

- Роб, нет. Он будет сюда ехать час. Мне нужно срочно согреться! - стучу зубами.

- Ну, хорошо, - вздыхает он. - Остайся. Позвони мне, как ляжешь.

- Конечно.

Разворачиваясь, вскрикиваю, хватаясь за сердце. Прямо передо мной этот огромный Чадов. С щетиной, в капюшоне.

- Ну и что это за вредительство? - измеряет меня строгим взглядом.

- Такси жду... - зачем-то оправдываюсь я, стуча зубами.

Цокает осуждающе языком.

- Что ж ты без шапки?

Скручивает с термоса крышку, наливает туда парящий кофе.

- Держи, снегурка.

- Спасибо, - делаю глоток.

Кофе уже не очень горячий и густо приправлен коньяком. Грею пальцы о крышку-стакан.

Чуть заметно улыбаясь, Чадов аккуратно снимает пальцами с моих волос мокрый снег. А я стою и боюсь слово сказать. По телу разливается горячая волна от кофе. И сразу хочется спать...

Разглядываю его лицо. Глаза добрые и игривые, несмотря на то, что сам весь из себя брутальный. И даже нос с лёгкой горбинкой.

Всегда с опаской относилась к крупным мужчинам. Хотя отец был скорее такой, как Роберт, худощавый. Но маленькой мне казалось, что большие мужчины ещё более жестокие.

Но на самом деле это не так. Жестокость более свойственна как раз мужчинам скромного телосложения.

- Где такси-то?

- Эм...

Неловко вышло.

- Оно не приедет. Завалы...

- А чего мы стоим?

С треском отрывает сумку, прихватившуюся ударившим морозом к застывшей снежной каше.

- О, черт... Ты сколько здесь стоишь?

- Полчаса может...

Делаю шаг в снег, чувствуя, что там лужа под хрустнувшей коркой.

- Пойдем-ка, Юлия Юрьевна, тебя отогреть. А то как-то негуманно ты к себе относишься.

Вскрикнув, опять проваливаюсь на следующем шаге, взмахивая руками.

Чадов закидывает сумку на плечо и отправляет ее за спину. В руки мне отдает термос. И неожиданно подхватывает на руки, словно пушинку.

- Нет! Что Вы...

- Да ладно, - по-свойски. - Как ты по этой каше пойдешь

на каблуках своих.

- Чадов, я Вас очень прошу, отпустите. Нас могут увидеть!

- Кто? Сосны? Все приличные люди пьют вискарик в баре или в сауне греются...

- Ну пожалуйста!

Его горячие губы втыкаются в мое оледеневшие ухо.

- “Здесь лапы у елей дрожат на весу... Здесь птицы щебечут тревожно... Живешь в заколдованном диком лесу... Откуда уйти невозможно.”...

Он читает мне Высоцкого. Самую красивую его вещь.

- “Пусть черемухи сохнут бельем на ветру... Пусть дождем опадают сирени... Все равно я отсюда тебя заберу... Во дворец, где играют свирели.”

Хрипло и проникновенно. Согревая горячим дыханием.

- “Твой мир колдунами на тысячи лет... Укрыт от меня и от света...”

И думаешь ты, что прекраснее нет, чем лес заколдованный этот...”

Пьянея, поднимаю взгляд вверх. И словно специально, тучи расходятся обнажая месяц и звёздное небо.

- “Пусть на листьях не будет росы поутру... Пусть луна с небом пасмурным в ссоре... Все равно я отсюда тебя заберу... В светлый терем с балконом на море.”

Опускает аккуратно на крыльцо.

За лацканы пальто притягивает ближе и проникновенно шепчет в губы, гипнотизируя окончательно:

- “В какой день недели, в котором часу... Ты выйдешь ко мне осторожно?... Когда я тебя на руках унесу... Туда, где найти невозможно?... Украду, если кража тебе по душе! Зря ли я столько сил разбазарил? Соглашайся хотя бы на рай в шалаше, если терем с дворцом кто-то занял!..”.

Мне кажется, кроме его глаз ничего не существует. И я лечу куда-то...

Ощущаю его дыхание, губы горят... Пальцы скользят мне на затылок и...

В кармане требовательно звонит телефон.

Вздвогнув, мгновенно вспоминаю, что я жена своего мужа!

- Да... - сиплю отвечаю непослушным голосом.

И начинаю неуверенно что-то нести Роберту.

- Я ещё не дошла... Да... Конечно...

Понимаю, что не могу при Чадове назвать мужа по имени. Язык не поворачивается. Говорю скованно и кратко. Словно не с мужем при постороннем человеке, а с любовником при муже. А еще испытываю острую неприязнь к Роберту.

Что происходит?!

Резко отворачиваясь, Чадов уходит с моей сумкой внутрь. Беру на ресепшене ключи и догоняю его уже у номера.

Подхожу к нему, как к опасному источнику радиации, в надежде, что контакт сейчас будет минимальным или я пропаду... Неизлечимо заболею.

Он и не собирается снимать сумку с плеча, чтобы отдать

мне.

Замёрзшие пальцы не слушаются. Вожусь с ключом.
Отбирает и открывает сам.

Протягиваю руку, требуя молча сумку. Но он просто заходит внутрь.

- Чадов, Вы чокнутый? - захожу следом в темноту. - Я же сказала - "нет"!

Его губы затыкают мой рот, не позволяя договорить.

Большие ладони уверенно сминают меня через одежду.

Это конечно же не первый мой поцелуй с мужчиной. Конечно, нет. Я - замужем и иногда муж целует меня, хотя я этого не люблю. Не всем же любить целоваться...

Вернее, мне казалось, что не люблю. И поцелуй не первый, да. Но это первый, который взрывает все лампочки в моей голове, вырывая животный стон из моего горла. И оказывается мне это нравится! Задохнувшись, громко втягиваю воздух. Чувствую его тихий гортанный стон, и он снова ловит мои губы в плен, врываясь в меня языком.

Это обваривает до помутнения!

Колени подкашиваются. Оседаю у него в руках, впиваясь коготками в его могучую шею.

Приличная девочка внутри меня истерит, требуя вырваться и оттолкнуть. Но ей с ужасом приходится принять тот факт, что во мне есть ещё и неприличная. Которая... которая трогает этот нахальный язык своим и, теряя сознание от подкатывающих оглушительно сладких волн, стонет в унисон с

Чадовым. И она готова разнести в клочья все что будет потом, ради этого “сейчас”. И вообще не существует никакого потом, только руки его, губы... и возбужденный шепот:

- Мм.... да! Девочка моя горячая!..

 - Юленька? - будит меня муж. - Мы приехали. Просыпайся.

Дергаюсь от шока, словно Роберт вдруг стал свидетелем моего сна! И снова тону в чувстве вины за то, что не могу никак ни забыть, ни отпустить! А потом в остром приступе ненависти к Робу. Секундном. И снова захлебываюсь волной вины за этот приступ.

- Как же я устала...

Глава 11 - Важные слова

На каталке у меня пациент. Вывожу из наркоза.

- Юлька... - бормочет парень. - Выходи за меня...

В моей груди словно рвутся струны от удара.

Простые же слова, да, Чадов. Хер ли ты их не сказал?

Потому что она была замужем! Потому что я просил развод этот ебанный! А надо было руки просить. Я хотел! Я кольцо купил... Но сначала, ведь, развод. Это мужская логика. У женщин, как оказалось, другая.

Хасан заходит. Уставший и отмороженный после длительной операции. Оттирает антисептической салфеткой пальцы.

- Юль... - шепчет парень. - Юль... Где Юля?.. Юль... Выходи за меня...

Смотрит не моргая на парня.

- Там, может, Юля его? - киваю на дверь. - Ты бы вышел к родственникам.

- Нет там ее, Горыныч. Расхерачил он свою Юлю на байке. Швыряет салфетку в мусорное ведро.

- Насмерть?!

- Не знаю. Не к нам повезли.

- Ой, пиздец.

Хватаюсь за сигареты.

Хасан уходит.

А мне что-то так стрёмно, словно это как-то касается Крынской. И я ей тоже как будто могу не успеть что-то важное сказать.

Хватаю телефон. Номера у меня ее нет. Удалил.

Через десять минут от Хасана смс: "номер Крынской".

Рус...

А ещё говорят - бессердечная он сволочь. Да он такой чуткий мужик, каких мало! Просто... мужик: броня, трудоголизм, профессионализм. Все как положено.

Юля... девочка моя любимая... Чего ж тебе написать важного? Я вроде бы все важное тебе сразу сказал...

ФЛЕШБЭК:

Заглядываю в ее глаза. В темноте не видно эмоций... Но я их все почувствовал! Сейчас меня хрен что может остановить в моих неблагочинных намерениях. Я такой чувственной, открытой, искренней отдачи никогда не ловил.

От поцелуя колотится сердце как от дозы адреналина. Я этот поцелуй не планировал. Спонтанно вышло.

Борзанул из-за ревности...

Ты, идиот, Чадов? Муж как бэ... данность.

Это не первое мое увлечение замужней женщиной. Есть определенные правила игры на этом поле. Ты их принимаешь или даже не стоит начинать. Но в ситуации с Юлей, правила игры мной не хаваются. Давлюсь, блять!

Хочу ее полноценно. Чтобы совсем моя была. Не только эпизодически трахать...

Но именно здесь и сейчас, касаясь ее губ своими, хочу ее так, что все условности и условия отлетают к чертовой матери. Чувствую себя на грани адекватата. Словно меня прервали в середине процесса. Когда уже рвешься "к цели" и она вот-вот... И... тебя же уже пустили "к столу", после этого заднюю давать запрещено Женевской конвенцией!

Но сам ведь остановился. Почему?

Потому что... Потому что так надо сейчас.

Она вдыхает поглубже и, опуская взгляд, пытается сказать мне...

- У тебя руки холодные... - шепчу я ей, перебивая.

Кладу ее ладони себе на раскалённую шею.

- Тебя нужно согреть срочно.

Опускаюсь на колени, на ощупь расстегиваю ее высокие сапоги. Ладони скользят по икрам. Я даже пальцами ощущаю какая она красавица.

Поднимаясь сам, поднимаю ее под бедра. Заношу в ванную комнату.

Свет не включается. Включаю воду...

Страшно выпустить из рук.

Целую, чуть касаясь, в верхнюю губу.

- Юль... Все хорошо?

Она как кукла безвольная.

Мне от ее неожиданной безвольности беспокойно.

- Нет, - дрожит в моих руках. - Все плохо.

- Ты хочешь, чтобы я тормознул? - с мучением прижимаюсь своим лицом к ее лицу.

Это тупой вопрос, не надо было его задавать. Но она такая... Такая! Нельзя такую обижать, Хасанов правильно сказал.

- Не хочу... - подрагивает ее голос.

- Почему тогда плохо.

- Завтра мой мир рухнет. Ужасным способом. Ну и пусть... Пусть рухнет хоть как-нибудь!

- Я буду держать твой мир крепко. Ничего не бойся. Иди ко мне...

Ты влюбился, Горыныч, влюбился как дурак! Потому что вместо того, чтобы взять желанную женщину, ты готов ее сейчас отпустить и не трогать.

Ну нет... Не отпустит, конечно. Но не трогать. Нет, трогать, конечно. Но не трахать.

Потому что если я ее сейчас трахну, то это будет какая то мутная история про нее и “ее мир”, но никак не про меня. А я не желаю быть инструментом, чтобы что-то там рухнуло хоть как-нибудь. Я хочу быть причиной!

Для этого нужны основания, Горыныч. Давай, крути этот ваш с ней мир так, чтобы другому просто места не осталось. И похуй, что он муж.

- Давай, в душ.

Сам сваливаю. Не слишком далеко...

Сижу под дверью, как зверь истекающий слюной на свою самочку. Держу себя на парфорсе, чувствительно придушив.

Свет в номере не включается.

Прихватив ключ, спускаюсь на ресепшн.

- Девушка, милая... - широко улыбаюсь я. - У меня в номере свет не горит, мне нужны свечи.

- Ой... Как не горит? Починили же все.

- Видимо, не везде.

- А свечи нельзя, - строит мне глазки. - По технике безопасности. Я могу Вас в другой номер...

- Нет! Номер устраивает. Мне бы свечи... - играю ей многозначительно бровями.

- Но ТБ...

- А я очень аккуратно, - кладу купюру на стол.

- Только, если что, Вы у меня ничего не просили, а я Вам ничего не давала.

- Обижаете... Само собой.

Выносит мне в пакетике коробочку плоских свечей с блюдами.

Заказываю в ресторане нам закуски и шампанское.

Ты просто будешь с ней разговаривать, Чадов, лады?

Не стуча, открываю дверь в номер ключом. Я наглый, да. Ну а по-другому эту крепость не взять!

- Юль!

- Здесь свет не включается, - доносится ее растерянный голос из темноты.

- Знаю. Сейчас исправим.

Щёлкаю зажигалкой, расставляю свечи.

Свет выхватывает из темноты ее силуэт обернутый в короткое полотенце.

Она поспешно выдергивает из открытой сумки длинный широкий шарф, накидывает его на голые плечи. Поправляет полы так, чтобы прикрыть бедра.

Пряча улыбку, продолжаю расставлять свечи так, чтобы они дали больше света.

- Борис Егорович...

- Мм... Какая у нас интересная ролевая игра. Слушаю Вас, Юлия Юрьевна.

- Прекратите шутить.

- Не могу. Это встроенная опция.

- В общем... Не могли бы Вы... уйти. Это со мной помешательство случилось. На самом деле я...

- ...Хорошая девочка. Я заметил. Но будешь плохо себя вести, я тебе опять помешательство организую. А будешь хорошо - будем ужинать и мило беседовать.

- Обещаете?

Не-а.

Стук в дверь.

- Откроешь? Это доставка с ресторана. Нет, я могу сам, конечно. Но ты же возмутишься за слитую конспирацию.

- О, боже! - пробегает мимо меня к двери, решительно выталкивая меня в ванную комнату.

Захлопывает дверь перед носом.

Ну вот... Вот они и правила игры. И даже хорошие девочки, у которых дебют, моментально их улавливают. А то, что у моей Ю.ю. дебют, это без сомнений.

Помутнение у тебя, значит... Да?

Щёлкнув зажигалкой, рассматриваю белые хлопковые трусики на батарее, со спортивной резиночкой. Заенька... Чистенькая вся, белая и пушистая. Хоть и пытается огрызаться.

Мне хочется подкрутить громкости на опции цинизма. Но не получается. Ноет внутри... Сладко и воодушевленно!

И стихи ей читать хочется, и на руках носить, и всем обидчикам челюсти ломать. Но я на этой волне наворочу херни какой-нибудь подростковой, а я дядька всё-таки уже взрослый.

Слышу, как закрывается входная дверь.

Толкаю ту, которая передо мной.

Встречаемся взглядами с Юлей.

- Ну чего стоишь босая? - стреляю взглядом на двухспальную кровать. - Быстренько...

- Мне одеться надо.

Тяжело вздохнув, пытаюсь следовать концепции.

- Раздевай...Тьфу! Одевайся.

Открываю шампанское.

Через минуту, Юля в пижаме ныряет под одеяло.

Прислонившись спиной к спинке, натягивает его повыше.

Отдаю ей бокал шампанского.

Ставлю круглый поднос с бортами на кровать. И глядя в глаза ей, снимаю пуловер. И следом футболку.

- Аа.. Эм... - теряясь указывает на мой торс. - Это зачем?

- Хлеб у нас есть, это - зрелища. Ты же свою клубничку под пижамку спрятала. За двоих отдуваюсь...

Поигрываю грудными мышцами, подмигивая ей.

- Чадов... - возмущенно.

Стукаюсь своим бокалом о ее бокал.

- За тебя, Юль... За то, чтобы проснуться вместе. Нет! Чтобы просыпаться вместе... Звонить тебе в обед с работы и говорить - Юлька... Люблю тебя как придурок. Пришли мне фоток или я до вечера не доживу. А потом, вечером, лететь к тебе и покупать что-то вкусненькое. То, что ты любишь. Творожок какой-нибудь дурацкий, да? Низкокалорийный и с клубникой. Да?

- Да...

- И с порога в губы твои впиваться. Тискать тебя, словно месяц не касался. А потом... потом любить...

Юля, закрывая глаза, залпом выпивает бокал.

И я выпиваю. В эйфории и кайфе от ее близости.

Ещё не зная того, что не сбудется...

Смс: "Я тебя люблю. До сих пор..."

Глава 12 - Чемодан без ручки

Секс с мужем у меня чаще всего случается с утра. Пока я сплю, досматриваю свои горячие сны с совсем другим человеком в главной роли, Роберт берет меня сонную. Это самая щадящая для меня версия супружеских обязанностей.

Секс с мужем и секс с Чадовым - это разные вселенные. Но наличие одной внутри, даёт мне иногда принимать ту, что снаружи.

Чадов опять начал сниться... Сегодня, вот, - та наша первая ночь в номере.

И сейчас на границе сна, даже уже после секса, в котором я практически не участвую, я все ещё ощущаю, как мы спали с ним там, в обнимку.

И правда не тронул меня тогда. Хотя я бы не выстояла под его напором.

Ерунду какую-то рассказывал, лёжа сверху на моем одеяле. Ерунда была захватывающая и очень далёкая от моей реальности, заключённой, как правило, в четыре стены. Рассказывал про то, как ездил на Север с экспедицией. Как в Африку с миссией летал. И что мечтает съездить ещё на Камчатку. Там вулканы, гейзеры, океан и медведи...

А я лежала, и закрыв глаза, слушала его тембр, плавая от него в горячих пьянящих мурашках. И позволяла играть со своими пальцами. Он перебирал их и гладил, пока я не усну-

ла, завернувшись как в защитный кокон в одеяло. Он обнимал меня поверх него и не наглед. И всю ночь я ощущала его уютное дыхание в свою шею.

А на утро не обнаружила на пальце обручального кольца. Будильник я не услышала, а Чадов уже ушел.

Мое обручальное кольцо тогда лежало показательно на тумбочке. И тогда мне показалось, что это правильно. Ведь, несмотря на то, что секса не было, другой мужчина у меня случился.

И я, конечно же, дурочка наивная, мечтала попасть в его мир, где реально поехать на Север или в Африку или на Камчатку, просто так, оставив все здесь. Но и в душе понимала, что я тот ещё чемодан без ручки и меня в такие путешествия брать нельзя. Я к ним не приспособлена.

Ну, и контрольным выстрелом был - генетический анализ, который показал, что мой ребенок родится "особенным"... Этот чемодан стал в это мгновение настолько неподъемным, что я морально рухнула и даже не посмела вручить его себеодолубивому и категоричному Чадову. Вручить вдогонку. Гордость не позволила. Даже сообщать ему об этом не стала. Его выбор был уехать. А бегать за ним... Нет. Этого не будет.

А Роберт, все понимая, поднял его сам. И понёс...

И вот сейчас, после того, как меня снова начало тягивать в это водоворот, мне вдвойне больно, вдвойне тяжело и вдвойне обидно, да. Я не из тех мудрых женщин, которые все всегда понимают и прощают.

Я не поняла тебя, Чадов. И не простила.

Хотя, я знаю, что больше всех виновата в этой истории сама. Но ты знал, что я замужем и понимал, что делаешь.

Сон смешивается с реальностью. Словно наяву чувствую его мягкую щетину на шее, как послекусие сна.

- Юленька, кофе... - ставит на тумбочку мне стакан Роберт. - Пора...

Он сегодня ненадолго улетает. И это маленькое счастье!

- Спасибо, - сонно бормочу я.

- Тебе смс поздно пришло вчера.

- Рассылка, наверное, какая-то.

- Посмотри, может, что-то важное.

- Мхм... - делая глоток кофе, дотягиваюсь до телефона под его взглядом.

Смс с незнакомого номера. Открываю.

Хмурясь, перечитываю. Подписи нет. И может она вообще не мне.

Но меня окатывает кипятком и на глаза наворачиваются слёзы от острой, пронзающей грудную клетку, тоски.

Закрыв глаза, падаю обратно на подушку.

Как-будто бы Чадов написал мне это: "Я тебя люблю. До сих пор..."

- Что там?

- Ошиблись... - задыхаясь, шепчу я, сжимая горло. - Ошиблись номером. Это не мне.

Сбегаю в душ, чтобы незаметно от всех выпустить свои

рыдания на мгновение и успокоиться.

Глава 13 - Не джентльмен

Завтракаем овсянкой с фруктами. Пока Роберт не видит, сын перекладывает мне в чашку яблоки и бананы. Да, я знаю, что ему нужны витамины и клетчатка. Но в каше он терпеть не может фрукты. И проще прикрыть его, чем слушать лекцию о здоровом питании от Роберта.

Я не последовательная мать, которая балует сына во вред ему. Я все понимаю. Но вот такое несовершенное у меня чувство любви. Моя мама вела себя также со мной. Пока была жива. И я была счастлива в эти мгновения. Наверное, по-другому я уже не научусь.

Роберт, с кружкой кофе подходит к окну в ожидании такси в аэропорт.

Стёпа тянет конфету из вазочки.

- Стёп... - шепчу я, стреляя взглядом на папу.

- Укакойся, - шепчет в ответ, успокаивающе раскрывает ладонь.

Типа все под контролем.

Стёпка очень хорошо говорит, но несколько его словечек перекочевали родом из раннего детства и не хотят "взрослеть".

И я улыбаюсь его "укакойся".

Славный мой... - взъерошиваю русую шевелюру.

И мы едим со Стёпой свой завтрак-квест. Для него это

увлекательное приключение - не попасться Роберту.

Интересно, а если бы у нас сложилось с Чадовым. Какими бы были наши завтраки?

Неожиданно чувствую внутренний толчок тревоги, словно забыла о чем-то важном.

- Какое сегодня число? - очнувшись от своей душевной комы, уточняю я.

- Двадцать шестое.

Двадцать шестое марта.

- Мм...

День рождения у Чадова!

- Ты переживаешь на счёт отца?

- Что? Аа... Да. Переживаю. Ты узнал, когда его выпускают?

- Завтра. Не волнуйся...

Отец вышел из тюрьмы. Он неадекватен. И я боюсь за себя, и за сына. Я свидетельствовала против него. И он с удовольствием меня "накажет", если у него появится такая возможность.

И Роберт тоже свидетельствовал. Лжесвидетельствовал... Чтобы я осталась незапятнанной этой историей.

Я кругом ему обязана. Это давит на меня бетонной плитой. Чувствую себя Аленушкой из сказки, что читаю иногда сыну, у которой на шее камень висит, пески грудь придавили, а руки ноги трава спеленала. И лежу я на дне ручья лесного. И никак мне оттуда не выбраться.

Я очень хочу научиться любить Роберта. Но за эти годы так и не смогла. Камень на шее...

- Я возьму машину, ладно? На ней я чувствую себя более защищённой.

Почти никогда не вожу сама, хоть и настояла на получении прав.

- Веди аккуратно.

Дальше следует подробная лекция, с напоминанием некоторых правил.

Послушно киваю, не слушая.

Не дожидаясь, пока за Робертом приедет такси, мы со Стёпой сбегает.

- Мам! - отвлекает он меня с заднего сиденья. - А давай на плоту поплывём? Есть такой плот... На нем домик. Можно сесть и плыть долго...

- Стёпочка... - хмурюсь, пытаюсь вписаться в поворот между двумя стоящими тачками. - Мы же с тобой не умеем плавать. А если плот перевернется?

- А есть такое - бассейн. Можно пойти и научиться.

- У тебя же ушки. Тебе нельзя в бассейн.

- У всех ушки! Все ходят, а мне нельзя! - возмущенно. - Ничо не будет.

Заезжаю на стоянку больницы.

Ладно... Мы сходим в бассейн.

Стоянка битком. Медленно еду по ряду для персонала в поисках свободного парковочного места.

- Пойдем в бассейн, пока папы нет! - заговорщицки уговаривает меня Стёпа.

- Мхм...

Заметив место, давлю на газ, замечая, что мне навстречу движется машина. Тоже, видимо, приглядев это место.

Чадов!...

Ты же джентльмен, Чадов, правда?

Мы замедляемся, он не включает поворотник, уступая мне. И я выкручиваю руль, чтобы занять место. Но неожиданно притопив, он сует нос машины вперёд, и я слегка врезаюсь в его бочину.

Тюк...

Жму на тормоз.

Ты совсем?! - смотрю возмущено ему в глаза.

Выходим из машин. Из его открытого окна - музыка.

Осматриваю вмятины.

- Ты же пропускал!

- Нет, - вставляет в губы сигарету . - У тебя помеха справа.

- Ты не включил поворотник!

- Включил.

Поворотник действительно мигает.

- Но он не был включен.

- Был, - прикуривает, глубоко затягиваясь.

Обессиленно взмахиваю руками.

Присаживается на капот.

- И что делать... - вздыхаю я.

- Подождем страховую. Садись.

- Ты специально это сделал? - стою рядом с ним.

- Это ты сделала. У тебя помеха справа.

Неправда! Ты пропускал...

Рассерженно отворачиваюсь.

- Поздравить не хочешь меня?

- С днем рождения...

- А чего так не радостно? Не ценный я человек?

- Что тебе нужно, а?

- А я тебе написал, Юль.

- Ты меня зачем мучаешь?! - разворачиваюсь к нему, срываясь на эмоции.

Голос проседает, превращаясь на последнем слогe в глухой шелест.

- Столько лет прошло, не писал. А тут что произошло-то?! Скучно жить стало??

- А ну-ка стоять! - смотрит мне за спину. - Куда это ты собрался?

Оттеснив, ловит Степу.

Ах ты ж... Пока я тут... Он опять чуть не сбежал!

Подкидывает его высоко. Стёпа радостно и испуганно визжит.

- Ты чего бегаешь-то, Степаха, а? Закину тебя сейчас на крышу...

Стёпа опять летит высоко-высоко...

Вжимаю голову в плечи от испуга.

- Он упадет!
- Да ничо не будет! - фыркает Чадов. - Успокойся.
- Укакойся, мама! - радостно летает Стёпа. - Ничо не будет!

Чадов садит его к себе на руку.

- Чудо-Юдо, - трогает его короткую бороду Степа.
- Горыныч! - смеясь, поправляет Чадов.

Как похожи. Ужас... Одно лицо! Форма черепа, лоб, глаза, нос, улыбка с перекосом на один и тот же бок.

Чадов ловит мой взгляд. Из окна играет зубодробительно болючий трек:

- ..."Давай попробуем заново всё собрать... Белые обои, чёрную посуду... Нас в хрущёвке двое, кто мы и откуда? Откуда?

Задвигаем шторы, кофеёк, плюшки стынут...Объясните теперь нам, вахтёры...

Почему я на ней так сдвинул?"...

Молча забираю у него из рук сына.

- Оставь меня в покое.

- Не хочу! - сжимает челюсти.

- Если тебе скучно, поезжай на Камчатку. Там вулканы, гейзеры и океан. И женщины. Я же не единственная на свете, - как дура припоминаю ему свои обиды. - А у меня здесь все прозаично. Надёжная семья и непростой ребенок, если вдруг ты не заметил. Мне тебя некогда развлекать.

Усаживаю Степу в кресло. Распрямляясь, вскрикиваю,

врезаясь спиной в Чадова.

В панике разворачиваюсь.

- Надо же... Я столько всего тебе говорил... А ты только глупость, что в эмоциях ляпнул запомнила! - обиженно.

- Что ранило, то и запомнила! Человеку свойственно запоминать то, где боль. Чтобы избегать, - шепчу ему нервно.

- Мм. Понятно, - сглатывает он. - Ну... Я ляпнул, да. Но это были только слова. А ты пошла и легла в постель к своему мужу!!

- Не тебе меня судить.

- А кому, Юль?! - вздрагивают его ноздри.

- Ты все это время где был?! - душит меня эмоциями. - Где ты был? Может в монастыре мужском?

- Нет...

- Вот и пошел к черту!

Сажусь за руль с чувством хлопая дверью. Блокирую замки.

В сердцах пинает по колесу.

Всё... высказала! Даже как-то легче стало... Хотя стыдно жутко. За то что опустилась до ревнивых упреков. Ну и пусть...

Глава 14 - “Ручник”

Солнце бьёт прямо ей в лобовое. Юля заполняет документы, которые ей подает страховой агент.

- Сдайте назад, я сфотаю крыло, - просит он.

Отъезжаю на полметра. Достаю сигарету, выхожу из тачки.

Прилипнув к окну, Стёпка корчит мне рожицы.

Подмигиваю ему.

Заскучав, снова высовывается из машины, бесшумно открывая дверь.

- Стёпа... - не глядя на него и не отрываясь от процесса.

- Сядь на место.

- Жарко!

- Да пусть выйдет, я за ним присмотрю.

- Он за мной присмотрит, - шустрее выбирается Стёпа.

- Я сама присмотрю за своим ребенком, - рычит Юля. -

Черт! Извините, я не там подпись поставила, - протягивает агенту.

Агент уходит за новым бланком.

Юля пытается перехватить сына, но ее отвлекает телефонный звонок. Степка успевает прошмыгнуть ко мне.

- Давай, за руль, - открываю свою дверь пацанчику.

- Можно?!

- Давай-давай...

- Ух ты!

- ... Машину поцарапала на парковке... Ну вот так! - подслушиваю ее разговор. - Я тебе перезвоню, ладно? Ну после того, как приземлишься перезвоню... - терпеливо, но раздражение просачивается. - Да нет же... Я просто расстроена. Виновата я, да.

Заметив мой внимательный взгляд, отворачивается.

Слушая вполуха, поднимаю с капота испорченные бланки. Бросаю взгляд на прописку. Они переехали после... По старому адресу я ее не нашел.

Запоминаю новый адрес.

Юля, возмущённо выдергивает из моих рук бланки. Отходит на несколько шагов.

Пальцы Степана тыкают в кнопки. Дёргают рычажки.

- А это можно? - периодически уточняет он.

Стоя напротив киваю, докуривая сигарету.

- Лобовуху помой мне.

- Как?

Объясняю ему, как включить дворники.

Прикусив язык, Степаха, довольный как слон, играет с тачкой. Фонтаны воды бегут по лобовому стеклу, дворники то ускоряются, то замедляются. Музыка переключается каждые десять секунд.

Юля недовольно и тревожно смотрит в нашу сторону, разговаривая со страховым агентом.

Хочется демонстративно доказывать ей, что мы бы пола-

дили с ее сыном. Чтобы она сейчас увидела это. И пожалела о том, что приняла тогда такое решение.

Глупо? Глупо...

Беда в том, что ни одного содержательного разговора у нас тогда не состоялось. Я был оскорблен! Мне хотелось ее срочно кем-то стереть. Так же как внезапно и глубоко я утонул в ней, также хотелось и вынырнуть. Даже вспоминать не хочу тот период. Гадкое удушающее чувство. Измены отвратительны, по какую сторону баррикад не стой. Но у нас всё было красиво, на пике чувств... Любовь прощает всё. Прощает всё, если выбор в её пользу. Иначе, всем пиздец. И я по надрыву в ней, когда она говорит со мной, чувствую, что у нее внутри тоже этот пиздец до сих пор жив.

Зависнув взглядом на ее лице, выпадаю из реальности.

Как я скучаю...

- А это можно? - крутится Степаха, потеряв что-то между сиденьями.

- Можно... - киваю.

Ручник, Чадов!!

- Эй, стоп!

Но, нажав на кнопку, он уже всем весом налегает на ручной тормоз.

- Блять.

Здесь уклон!

Тюк... Хрясь.

Ровнехонько в фару. Заебись!

Ну чо, Чадов, показал какой ты охерительный батя? Рукалицо просто! Десять минут за пацаном не усмотрел.

Юля и страховой агент переводят на меня шокированные взгляды. Покаянно развожу руками.

- Ой.

Да как он снял то ее с ручника?! Бандит...

Стёпка испуганно вжимает голову в плечи. Настороженно ловит мой взгляд.

- Не дрейфь, Степаха, это я виноват. Не ты. Подвинься ка...

Опять отгоняю на метр тачку, ставлю на ручник.

- Вот эту штуку никогда не трогай. Ручной тормоз. Ручник. Снимешь, тачка поедет.

Юля подходит со стороны пассажирского сиденья, открывает дверь.

- Стёпа, быстро в нашу машину.

- Ну, мам!

- Давай-давай... - за руку вытаскивает его.

- Юль, ну пусть играет, чего ты?

- Чадов, лучше молчи. А если бы он в тот ряд въехал? - кивает на тачки, стоящие чуть дальше ее машины.

- Ну не въехал же.

- Не въехал же! - возмущено вторит Степка.

Протягиваю ему "пять". Важно шлёпает ладошкой по моей.

- Я что сказала? - строго смотрит на него Юля.

Ух какая... злюка.

Покорно вздыхаем синхронно со Степахой с одной интонацией.

Провожая их взглядом. На сиденье игрушка - маленькая моделька машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.